ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК ИЗ „ИЗВЕСТИЙ
СЕВ.-КАВ. ГОСУД. УНИВЕРСИТЕТА“,
ТОМ I (XIII), 1928.

А. В. МИРТОВ

К ИСТОРИИ КОНСОНАНТИЗМА ДОНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

РОСТОВ-ДОН :: 1928

РС
2093
Мир

Отпечатано
в Главной типографии Кубполиграфа
Краснодар, Красноармейская, 39,
в апреле 1928 г.,

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
337
52

Кубокрлит № 427 Заказ № 3169 Тираж № 700.

К истории консонантизма донских диалектов.

А. В. Миртов.

§ 1. Обследуя явления в области консонантизма обнизовых донских казаков, мы пришли к выводам:

1. Широко известное в русских говорах, так называемое, „непереходное и неорганическое смягчение задненебных“ (Ванькя, чайкю)— результат татарского влияния.

2. Татарским влиянием объясняется и мена звуков с-ц (собственно: с из ц), также широко известная в русских говорах.

3. Мена свистящих и шипящих согласных в говоре донских обнизовых казаков (и некоторых других мест), являющаяся также явлением „неорганического“ порядка, тоже результат татарского влияния.

Впрочем, мена ц-ч вероятно калмыцкое влияние.

§ 2. Мы будем пользоваться следующими условными обозначениями:

— *кя* (и др.) — явления смягчения задненебных; слоги: *кя, кю, кё,* изредка (на севере России): *гя, гю, гё.*

с (из *ц*)	произнесение	*с*	на	месте	*ц*
с (из *ч*)	„	*с*	„	„	*ч*
ш (из *с*)	„	*ш*	„	„	*с*
ж (из *з*)	„	*ж*	„	„	*з*
ц (из *с*)	„	*ц*	„	„	*с*
ц (из *ч*)	„	*ц*	„	„	*ч*
щ (из *ч*)	„	*щ*	„	„	*ч*[1]

§ 3. Научного обследования донских говоров еще нет. Ряд наблюдений и попыток классификаций все же имеется. Донские говоры делятся то на две,[2] то на три[3] группы: верховые, низовые, срединные. Границы верховых и низовых (обнизовых) казаков разными авторами указываются различные в зависимости от того, что берется за основание деления: соображения ли исторического порядка, лингвистические ли особенности или самоопределение местного населения.[4] Так как колонизация Донской области была далеко неоднородна и колонизационные волны, прибывавшие сюда в разные эпохи, ложились одна

[1] Здесь в сущности случаи шепелявого произношения „ч“.

[2] Х. И. Попов. См. „Истор. сведение о В.-Курм. ст.“ Евл. Котельникова. Изд. 1886, стр. 43 — 50.

[3] Калмыков. — Изв. О. Р. Я. и С. Ак. Наук. 1898 г., прилож. ко 2 кн. III т. В. Соловьев (Сб. О. Р. Я. и С. Ак. Наук. — 68 т. — 1900 г.) делит на две группы, но из низовых казаков выделяет третью группу — черкасский говор.

[4] По нашим наблюдениям низовыми считают себя все казаки от Азовского моря до Раздорской станицы.

на другую (то на всей территории, то только на одной из ее частей), то в результате диалектические черты на Дону дают столь сложную картину, что границ отдельных говоров провести нельзя. Удобнее говорить о границах отдельных диалектических черт (о изоглоссах), что мы и предполагаем сделать в подготовляемой нами работе „Донские говоры". Здесь же мы скажем лишь о некоторых из этих черт и не столько с точки зрения их распространения по территории б. Донской области, сколько с точки зрения исторической. Задачей данного очерка является попытка понять некоторые факты донских говоров, выяснить причины их появления.

§ 4. Исходной точкой для нас будут наблюдения, произведенные рядом лиц и нами над говором пяти нижних станиц: Старочеркасской, Аксайской, Александровской, Гниловской, Елизаветовской и их хуторов.

Наблюдения с 1856 по 1919 год.

Автор	Отмеченные им явления в области консонантизма	Территория	Группа населения	Причины
1856. А. Филонов — рукопись библ. Ак. Наук, № 49. (Зеленин „Велик. говоры", 353).	1. Цоканье с мягким *ц*. 2. Мена *с—ш* 3. Мягкое *л*: люкавый	На низу — от самого Черкасска	—	—
1857. Сенюткин. — „Донцы" т. I, 122.	1. Мена *с—ш*. 2. Мена *ж—з*. 3. Картавое *р*.	Низовые казаки	У женщин	Мода
1881. Номикосов. — „Стат. опис. о. в. Д." (Повторено у Харузина „Сведения о казацких общинах на Дону". 1885 г.).	1. Мена *с—ш*. 2. Мена *з—ж*. 3. *ц* (из *ч*). 4. Сюсюкание 5. — *кя, кю*...	Новочеркасск, Старочеркасская, Елизаветовская и др.	У женщин	Признак хорошего тона. Наследие татар.
1898. Калмыков.— „Говор Кочет. стан."	1. Мена *с—ш*. 2. Мена *з—ж*. 3. Мена мягкого *ц* и *ч*.	Низовые казаки	—	„Кажется, греческое влияние" (греческого жаргона).
1900. Соловьев.— „Особенности говора д. казаков".	1. Мена *ж, ш—з, с*. 2. Мена *ч—ц*.	„Черкасский" говор в Ст.-Черкасске и Новочеркасске и в их выселках	Преимущественно среди женщин	Жеманство. Греческое влияние
1903. Халанский. — „Говоры Курск. губ."	1. Мена *с—ш*. 2. Мена *з—ж*. 3. *ц* (из *ч*). 4. — *кя, кю*...	Аксайская стан.	Главным образом у баб	—

Автор	Отмеченные им явления в области консонантизма	Территория	Группа населения	Причины
1908. Е. Савельев.— „Типы д. казаков".	1. Мена *ж—з*. 2. „ *ч—ц*. 3. „ *ш—с* 4. „ *щ—сц*. 5. *—кя, кю...*	Старочеркасская, Аксайская и нек. др.	Преимущественно среди женщин	Древне-греко-готское влияние
1919. Богачев В. В.— „Очерки географии В. В. Д."	1. Мена *с—ш*. 2. Мена *з—ж*. 3. Мена *ц—ч*.	Старочеркасская и отчасти Аксайская станицы	Преимущественно среди женщин	—
Итог:	1. Мена *с—ш*—8 раз. 2. Мена *з—ж*—7 раз. 3. *ц* (из *ч*)—7 раз. 4. *кя, кю*—3 раза. 5. Мягкое *л*—1 раз. 6. Картавое *р*—1 раз.	—	„У женщин" — 6 раз	1. Момент сознательного усвоения — 4 раза. 2. От греков—3 раза. 3. От татар — 1 раз.

Мы остановимся лишь на первых четырех зарегистрированных фактах: факты эти много раз наблюдали и мы. Мягкого *л* мы лично не встречали ни разу. Напротив того, нами отмечено отвердение *л*: марла (х. Госуд. Елизаветовской станицы), малчик (в дальних станицах: Голубинская, Есауловская, Терновская, Цымлянская, Чертковская, х. Б. Мечетновский Семикарской станицы, Маныческая станица) и переход в *р*: дурма (дулма), укручина (уключина), на-ряду с общим отвердением *р*: тры, рылигия и проч.—хут. Государевский Елизаветовской станицы. Вероятно, это Сенюткин и считал картавым „р".

— КЯ (и др.).

§ 5. Интересно отметить, что наша точка зрения была высказана (правда вскользь) еще Далем, но не только никем не была поддержана, но даже взята на подозрение. В своем „Толков. словаре", объясняя звук *к*, Даль замечает: „на юг от Москвы, особенно в Рязанской губернии, в народе любят тонкое, азиатское *к*, и говорят: тятинька, маминька, Ванькя, кваскю...

Бодуэн де-Куртенэ, выпуская в 1905 г. третье издание II тома словаря Даля, наставил в эту фразу знаков удивления—?!— как после любят, так и после азиатское. Тут же он дает и обычное толкование, что это *—кя* (и др.) есть „следствие уподобления к предшествующему „мягкому" согласному... и дальнейшее распространение по аналогии".

Других разговоров о татарском (азиатском) происхождении *—кя* (и др.) мы не встречали, но именно такое объяснение для нас несомненно.

Упомянутый в нашей таблице (§ 4) Номикосов татарским влиянием объясняет не всю совокупность перечисленных черт (*с—ш, з—ж, ц—ч*, сюсюканье,—*кя*), а лишь „сюсюсканье" (см. дальше—§ 31).

§ 6. Вопросам *—кя* (и др.) посвящена диссертация профессора Д. К. Зеленина (1913 г.)—540 стр.: „Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных". Здесь

тщательно собран весь научный материал о — *кя* (и др.), дана картина географического распространения рассматриваемой черты и построена гипотеза о причинах такого именно географического распространения — *кя* (и др.). Гипотезу профессора Зеленина изложим его словами: „Основные же положения моей гипотезы следующие: неорганическое смягчение было одною из отличительных особенностей говора московских „детей боярских"; от них эту черту переняли низшие разряды военно-служилого сословия, слывшие потом однодворцами и передавшие свой говор некоторым из своих соседей" (XV стр.).

„Несомненные случаи — *кя* (и др.) в памятниках начинают встречаться лишь с самого конца XV в." (22).

Предполагаемой колыбелью — *кя* (и др.) Зеленин считает местности около Коломны или Рязани (XV стр.).

„Область распространения этой черты в великорусских говорах очень велика. На севере она простирается до Пустозерска Архангельской губернии, Вельского у. Вологодской губ., на юге до Кавказа (казаки Ставропольской губернии), Дона (донские казаки верховцы) и великорусских слобод Харьковской губернии, на востоке до Енисея и на западе до границ Черниговской губернии... Эту черту мы видим одинаково как в говорах акающих, так и окающих, в говорах цокающих и не цокающих, в говорах дзекающих...

Словом, область распространения этой черты не совпадает с областью распространения ни одной другой диалектологической черты в великорусских говорах. Очевидно, интересующая нас диалектическая черта жила какой-то особенной жизнью; история и условия распространения ее были какими-то иными" (1—2).

„Изучаемое нами диалектологическое явление может быть названо специально великорусским: в белорусском и малорусском наречиях его вообще нет" (18).

Причиной распространения — *кя* (и др.) Зеленин считает моду.

„Зародившись где-то около Коломны или Рязани, черта эта была скоро усвоена любившею модничать Москвою, в частности — московскими детьми боярскими" (531).

...„Распространилась как черта модная" (XV стр.).

§ 7. Обширный лингвистический материал, проверенный одновременно исторически и этнографически, собранный уважаемым профессором Зелениным, гораздо проще может быть объяснен именно татарским влиянием, без допущения „моды" и распространения ее через „детей боярских".[1]

---

[1] Академик Шахматов, рецензируя работу Зеленина (Известия О. Р. Я. С. Ак Наук, т. XX, кн. 3), указывает: „Не доказано им и его положение о том, что мягкое *к* господствовало когда-либо в языке Москвы... Все, что мы знаем о говоре Москвы, самым решительным образом противоречит утверждению автора. От XVI—XVII ст. до нас дошло множество памятников, писанных несомненно в Москве... и ни в одном из них... мы мягкого *к* не найдем". Нет никаких следов этой черты и в живых московских говорах. Стр. 339—340.

С своей стороны академик Шахматов высказывает предположение, что мягкое *к* племенная исконная южно-великор. черта. Свое предположение, высказанное как широкое обобщение, академик Шахматов не подтвердил фактами. Напротив того, он делает оговорку: „Исследователю необходимо иной раз скинуть с себя оковы кажущихся очевидными фактов и прибегнуть к научным обобщениям. Так исследователь славянских языков отнесет с полной уверенностью появление *ц*, например, в слове отьць, к доисторической эпохе... и проч."

Дальше, лишь на том основании, что мягкого *к* нет у белоруссов, Шахматов опять без каких-либо фактов повторяет свое „обобщение", что это южно-великор. племенная черта. Для нас это обобщение не убедительно вовсе, тем более, что длинный ряд фактов приводит нас к нашим выводам.

Наше предположение подтверждается и фактами, зарегистрированными после работы Зеленина. Ключ к своей теории мы нашли в говорах и исторических судьбах донских казаков. С них мы и начнем.

§ 8. — *кя* (и др.) зарегистрировано нами в б. Донской области повсеместно.[1] Черта эта более слабо выражена лишь в пригородных местах у низовых казаков, что мы объясняем влиянием городской культуры. В таблице (§ 4) мы видим — *кя* у четырех наблюдателей донских низовых говоров. В 1881 г. Номикосов (природный казак, большой знаток Дона и его истории, секретарь Стат. Ком.) определенно свидетельствует: „Жители станиц Старочеркасской, Елизаветовской и других произносят: Ванькя, чайкю..." (Стат. опис. о. в. Д.).

В нижних донских станицах татарское влияние в области фонетики (в области консонантизма) несомненно (§§ 35—40).

Если — *кя* татарское явление, то оно не стоит здесь особняком.

§ 9. — *кя* (и др.) в татарском языке.

Татарский язык изобилует сочетаниями: *кя, кю, гя, гю, кӧ, гӧ,*

Примеров можно дать любое количество:[2] — *кя*: äкямят (страшный), äтекяй (батюшка), бӧркя (закрывать), бюкян (пенек), бярякят (благословение), жилькя (заплечье), жюкя (липа), карякят (промысел), нечкя (тонкий), печкя (свекровь)... — *гя*: ägяр (если), гярянкя (брюква), жегяр (сила), дильбягя (возжи), жингя (сноха), ниргя (венец)... — *кю;* кюбек (пена), кюбялек (бабочка), кюгян (крюк), кюкяй (яйцо), кюлягя (тень), каракӳль (каракуль)... — *гӧ*: богӧн (сегодня), жогӧр (бежать), сонгӧ (пика)... — *кӧ*: бӧркӧн (немедленно), кӧкӧм (судья), кӧл (зола), кӧлчя (лепешка), кӧчӧк (собачка), кӧря (отгребать), öскӧ (верхний) и т. д.

§ 10. Татары, в попытках говорить по-русски, пользуются именно этими сочетаниями на месте наших — ка, — ку, — га и т. д. Особенно в словах с мягкими предшествующими звуками. Колькя и Ванькя мы встречаем в языке татар, говорящих по-русски, в хуторе Татарском, близ Новочеркасска, в языке татар из Баку („Адну бочкю рыба купил"), в языке волжских татар. Также у дагестанских татар.

Татаро-русский словарь Н. Остроумова дает значительный ряд русских слов с окончанием на — *ка* и — *га*. Оказывается, что в устах татарина они звучат, как — *кя* и — *гя*: кялиткя (калитка), пичкя (бочка), пичяркя (печурка), пляшкя и пряшкя (пряжка), ряшеткя, скрипкя, чяркя (чарка), шяйкя, жилеткя, жюшкя (вьюшка), кюрчагя (корчага), кючан (кочан), кятяться (кататься) и т. д. Остроумов не преследовал строго фонетических целей и его записи, вероятно, только приблизительны. В силу закона сингармонизма, очевидно, при мягких *кя, кю* должна быть и мягкость предыдущего слога, что не всегда отмечено Остроумовым.

Профессор И. Г. Голанов сообщил нам, что он в говоре казанских татар наблюдал „пять кяпеек", где — *кя* под влиянием предшествующего мягкого слога.

---

[1] По б. Донской области нами разослано (народным учителям) около 3.000 диалектологических анкет. Получено ответов около 1.300.

Зеленин, на основании имевшегося в его распоряжении материала, колебался: „для нас вопрос о мягком *к* у низовых казаков остается невыясненным".

То, что на Дону — *кя* (и др.) было широко распространено еще в XVII веке, подтверждается говором казаков — некрасовцев, эмигрировавших в Турцию в самом начале XVIII века и знающих эти явления (Этнографическое обозрение 1902 г., № 2, 81). Также наши наблюдения в 1926 г. над говором только что вернувшихся некрасовцев — хутор Ново-Некрасовский Ейского района.

— *кя* известно и далее на Кавказе — в Куб. обл.: ст. Лабинская, Константиновская, Михайловская, Курганная, Родниковская (сообщ. В. Л. Розенберг).

[2] Слова даем в транскрипции татаро-русского словаря Н. Остроумова. Казань, 1892 года. Словарь составлен по наблюдениям над говором крещеных татар-крестьян Каз. губ

Движение заимствования рисуется нам так:

В русских иррегулярных воинских частях (часто сливавшихся с населением и почти не отделимых от него) на почве смешения русских с татарами (имеем в виду казачество XV—XVI в. в.) возник особый русский татаризированный жаргон с обильным — *кя* (и др.), с меной *с* — *ш*, *с* (из *ц*) и некоторыми другими особенностями. — *кя* (и др.) первоначально возникло, как подчинение русской речи законам тюркского языка.

Здесь необходимо следующее разъяснение. В русских Ванькя, чайкю дело, конечно, не ограничивается только мягкостью согласного *к*. Конечный гласный здесь также „мягок", т. е. передний. Здесь мы имеем слоговую мягкость: — *к'ä*, — *к'ÿ*. Это же подтверждает и исследователь русского — *кя* профессор Зеленин: „В случае Ванькя конечное „а" сделалось мягким под влиянием предшествующего ему мягкого *к*" (8 стр.). И далее: „задненебный становится также палатальным и смягчает следующую за ним гласную" (10 стр.).

Напрасно академик Шахматов упрекал Зеленина в смешении звуков и букв, [1] указывая, что в — *кя* мягкий согласный, а не гласный. Здесь только — *к'ä*. Также звучит — *кя* и в приведенных выше татарских словах.[2] В русских говорах — *кя* встречается почти исключительно после мягких согласных или j: Ванькя, чайкю...[3] Смягчение согласного после (а не перед) мягким обычное явление тюркских языков.[4]

Там, где русское — *кя* особенно настойчиво в языке, и там, где мы видим максимальное соприкосновение (в XV — XVI в.в.) русских с татарами — в южных уездах Рязанской губернии — вообще отмечено несвойственное русскому языку влияние предыдущего, а не последующего звука. Исследователь рязанских говоров, профессор Будде, неоднократно подчеркивал: „В рязанском наречии наблюдается вообще редкое явление: влияние предыдущего, а не последующего мягкого слога".[5]

В появлении русских слов с — *кя* мы усматриваем двоякое татарское (тюркское) влияние: 1) смягчение под влиянием предыдущего звука и 2) наличие мягких — *кя* и — *кю* после мягких предыдущих слогов (гармония слогов).[6] Первоначально: тятенькя, маменькя (Зеленин отмечает особенную настойчивость — *кя* в сочетании — *енькя*), позднее: Ванькя, Санькя, а еще позднее (очень редко, правда) — Сашкя.

---

[1] Изв. ОРЯС 1915, XX, 3, 333.

[2] „Интересно отметить, что татарское глубокое *q* умягчается не только под влиянием предшествующего палятального гласного в закрытом слоге, но и перед таким гласным". Проф. Богородицкий, „Введение в тюрко-татарское языкознание", 52 стр.

[3] Изредка зарегистрированные формы Сашкя (при Санькя)—явление аналогии.

[4] Ссылки на аналогичные некоторые явления в других славянских языках не убедительны. Возможны параллельные явления, без внутренней связи. Быть может, тоже чужое влияние. К одинаковым результатам могут привести совершенно различные причины.

[5] Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Варшава, 1892 г., стр. 93. Также 55 стр. и др.

[6] Наша работа уже была набрана, когда мы получили № 7 „Вестника научного общества татароведения" за 1927 г. с интересной статьей Г. Шарафа: „Палятограммы звуков татарского языка сравнительно с русским". В результате экспериментального исследования физиологии татарских звуков, Шараф устанавливает мягкость „парности не только гласных, но и согласных" (100).

„На неправильном представлении о характере согласных звуков тюркских языков основано и находящееся во всех почти грамматиках по тюркским языкам учение о „гармонии гласных", обозначающее один из основных фонетических законов тюркского языка об однородном характере слова по твердости или мягкости входящих в его

Материал упомянутого выше словаря Остроумова и еще подтверждает нашу мысль. Оказывается, что татары, заимствуя русские слова с окончанием — *ка*, сохраняют твердое — ка в случаях отсутствия мягкого предыдущего слога: чакутка (чахотка), пыдаука (пудовка), батышкы (батюшка), поднуска (подноска) и др.

Вот где разгадка того, почему в русских говорах — *кя* почти не бывает после предшествующих твердых звуков.

То, что татары сохраняют свои фонетические законы при их попытках говорить по-русски, подтверждается последними исследованиями проф. Богородицкого. Недавно он произвел анализ орфографических ошибок татар на уроках русского письма и в числе выводов под пунктом первым ставит: „По отношению к вокализму ряд надписаний свидетельствует о подчинении русских слов закону тюркской гармонии гласных... Само произношение (простонародное) татарами русских слов подчиняется закону гармонии.“[1]

Наша мысль подтверждается и русским материалом, собранным Зелениным. Примеры, приводимые им, во всех случаях относятся к многосложным словам (т. е. к словам, где возможно обнаружение закона гармонии звуков).

В односложных словах, говорит Зеленин, мягкое *к* встречается крайне редко... „мне известен только один такой случай, слышанный мною же в Яранском у. Вят. г.: скёль вместо сколь“ (12).

Скёль, разумеется, не говорит о нашем явлении. Это аналогия к сев.-вост. откёль, отсёль. Интересен и следующий факт: — *кя* (и др.) вовсе не встречается в начальных слогах русских слов (в диалектах).

Не случайна и еще одна деталь: — *кя*, — *кю* в ю.-велик. говорах обычны, а — *гя* — *гю* нет.[2] В южных говорах *с h* вместо *г* не было аналогии для татарского взрывного — гя, — гю. Иная картина на севере. В говорах с взрывным *г* распространилось и — *гя*, — *гю*.[3]

Также чрезвычайно редки (почти нет вовсе) и сочетания — *хя*, — *хю*. Зеленин отмечает главным образом в падежах слова верх (в нек. сев. уездах). „Что касается звуков *х*, *h* после мягких, то они, кажется, остаются без изменения — свидетельствует крупнейший из русских диалектологов — проф Н. Н. Дурново. Произношение деньгими с мягким h могло быть вызвано и не фонетическими причинами, ср. в тех же говорах: за уткими, где перед *к* мягким — твердая согласная“.[4] Это почти полное отсутствие — *хя*, — *хю* опять-таки понятно в условиях татарско-русской речи: у татар нет вовсе звука *х*.[5]

состав звуков. По нашему мнению, аналогичный термин „закон сингармонизма“ вполне подходит к соответствующим особенностям тюркских языков, и конечно его нельзя трактовать в качестве гармонии на палятальности одних только гласных, ибо это дало бы неправильное представление о соответствующих особенностях тюркских языков“ (99).

[1] Введение в тюрко-татарское языкознание, 54, 55 стр.

[2] Будде отметил в Скопинском у. качарьhя, но не придал значения этому „единичному примеру“ и склонен был считать его ошибкою слуха (Р. Ф. В. 1892 г. № 2, с. 226). См. Зеленин, 12.

[3] — *Гя* в материалах, собранных Зелениным, относится к северным говорам: Костром. г. (Буйск. и Костр. у.), Владимирск. г., Вологод. г. (Грезевецк. у.).

[4] Проф. Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, 218.

[5] Татарское „кан“ (слов. Остроумова, 108) лишь на русской почве стало „ханом“. Сравн.: харахориться при тат. каракоры (ставка). Вероятно карагод (хоровод) есть результат также татарского влияния. Места распространения карагода (Ряз., Кур., Орл., Вор., Дон) допускают это толкование. В восточн. России (как и на Дону) широко распространено клев вм. хлев. Очевидно, форма того же происхождения. Форма „крестьянин“ при христианин — иного происхождения. Здесь контаминация (крест — Христос), происшедшая еще в дотатарскую эпоху. См. Соболевский, Лекции, 146. Также: Сре-ѕневский, Мат. I, 1344 и др.; Преображенский „Этим. слов.,“ 384.

Все эти случаи становятся совершенно ясными, едва допустить татарское влияние.

§ 11. Где же и когда могло возникнуть — *кя* (и др.) — на русской почве? Теоретически должно ответить: тогда и там, где произошло массовое смешение русских с татарами, с подчинением последних русской культуре, с переходом на русский язык.

Такие моменты и пункты в истории взаимоотношений русских и татар действительно были.

Проследим кратко взаимоотношения татар и русских. Разгромив русские города, татары, как известно, отошли в степи на ю.-восток. На Руси остались лишь баскаки с небольшими воинскими частями (отряды легкой конницы, вероятно, носившие татарское название „казаки"). Более крупные татарские рати появляются лишь по мере необходимости: то для усмирения строптивых неплательщиков дани, то как помощь русским князьям в их междоусобной борьбе.

За этой помощью к татарским войскам русские начинают обращаться уже с конца XIII в. (дети Александра Невского)[1]. Рассказывая об этом, историк Платонов[2] замечает: „Этот обычай брать дружину из соседних народов — обычай стародавний: еще в X и XI в. в. князья нанимали себе в помощь варягов, половцев и т. д.".

Обычай этот, по замечанию другого историка, „стал постоянным явлением."[3]

Скоро начала разлагаться и орда. „Во время междоусобий из орды выбегали на север изгнанники татарские и неудачники, которым в орде грозила гибель. Они сбивались в большие военные отряды под предводительством своих князьков и жили грабежом русских и мордовских поселений в области рек Оки и Суры."[4]

Эти-то татарские банды и положили начало вольному казачеству. Русские сначала боролись с ними, а потом постарались приручить их для борьбы с той же ордой, изгнанниками откуда и были эти казаки.

Формирование казачества, вероятно, относится к XV веку. Это подтверждается и тем фактом, что в XIII—XIVв. в.— кя еще неизвестно вовсе.[5]

Первое упоминание летописи о казаках относится к 1444 году — это рязанские или мещерские (т. е. т а т а р с к и е) казаки.[6]

В 1468 г. упоминаются казаки в Москве.

В 1474 г. казаки у татар — в Крымской орде.

С 1491 г. в казанском татарском царстве.

С 1492 г. в волжской орде.

С 1499 г. у татар в Азове.

С 1502 г. у татар в Астрахани.

Казаки были у татар, казаки стали возникать и у русских и у других народностей, соприкасавшихся с татарами. В начале XVI в. казаки в польских войсках, в XVI — XVII в. в. казаки у чуваш, черемис и мордвы.[7]

---

[1] „Татары опустошали северную Русь, помогая враждующим князьям, как прежде половцы опустошали южную",— говорит историк Соловьев, характеризуя конец XIII в. т. III, 885.

[2] Лекции, 110.

[3] М. И. Покровский. Русская история. Изд. „Мир". Т. I, 146.

[4] Платонов. Лекции, 149 — 150.

[5] Зеленин, 376: „В великорусских говорах XII — XIV в.в. нигде этой черты еще не было."

[6] Библиогр. указ. к приводимым здесь датам даны у Сухорукова „Историч. описание з. в. Д." 3 — 5 стр. по изд. 1903 г. Новочеркасск.

[7] Библиография там же.

Донские казаки упоминаются впервые в 1549 г.— под предводительством Сары-Азмана. Сары — тат. слово рыжий, а Азман — испорченное татарское — Осман.

В 1523 г. в. к. Василий Иванович жаловался турецкому султану на азовских казаков, а в 1538 г. на жалобы нагайского мирзы Кельмагмеда он отвечал: „на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди, как вам тати, так и нам тати и разбойники.[1]

Переход татар на русскую службу принимает массовый характер уже в XV веке.

Особое внимание к татарам проявляет велик. князь Василий Васильевич, вернувшийся (в 1445 г.) из татарск. плена. Вместе с ним в Москву приехало много татар. Москвичам казалось, что великий князь „татар и речь их любит сверх меры, а христиан томит без милости."[2]

В 1452 г. Василий III передал на Оке город Мещерский (Городец) выходцу из орды хану Касиму. Возникло Касимовское татарское царство (позднее город Касимов), бывшее в полном распоряжении Москвы. Это „царство" просуществовало более 200 лет и было, когда надобность в нем миновала, ликвидировано самой же Москвой. Ныне в Касимовском уезде лишь 27 тат. сел. „Василий III образовал это царство с целью противодействовать вновь образовавшемуся тогда сильному ханству Казанскому. В Касимов ханы назначались по выбору московских государей, находились там под строгим присмотром и являлись покорными слугами Москвы. Когда (в XVI в.) Касимов перестал быть угрозой для Казани он обратился в место приюта для тех мусульманских выходцев, которые являлись служить русскому правительству и которым всегда покровительствовали русские государи. Здесь эти выходцы, ничем не стесняемые в отправлении своих религиозных обрядов, мало-по-малу свыкались с русскими настолько, что и сами обращались в русских по религии и по чувствам."[3] Касимовцев Москва готовила и пользовалась ими против Казани, в нужный же момент старалась привлечь на свою сторону и казанцев. При разгроме, напр., Вятки (1489 г.), „в числе войск под командою воеводы князя Данила Щеняты был и вспомогательный отряд татарской конницы от Казани".[4]

В XVI в. после разгрома волжских татар, Москва начинает укреплять свои границы и от южных орд.

„С большой последовательностью московское правительство хорошо укрепило левый берег Оки в самых выгодных для обороны местах между устьями Угры и Москвы, пользуясь силами подручных „служилых" татарских царевичей в Серпухове, Кашире, а также Касимове."[5]

В течение каких-либо 40 лет Московское правительство укрепляет верх Оки, Дона, линию Быстрой Сосны, верхнего Сейма, Оскол, и верховье Север. Донца.[6] „Вся эта сеть укреплений и наблюдательных

---

[1] „Ист. опис. з. в. Д.", 2 — 3 стр.

[2] Платонов. Лекц. 154, 155.

[3] Н. Веселовский. Словарь Брокгауза и Ефрона, 28 п. т., 661 — 662.

[4] Платонов. Прошл. русск. сев., 45.
Покровский. Р. Ист., т. I, 146:
„Что поддерживая князей и их бояр в борьбе с „меньшими" людьми, орда создает в конце концов моск. самодержавие, которое упразднит за ненадобностью и самоё орду — эта отдаленная перспектива была вне поля зрения татарских политиков."

[5] Семенов В. П. Россия, т. II, 130.

[6] Платонов. Лекц., 185.

пунктов мало-по-малу спускалась с севера на юг, следуя по тем полевым дорогам, которые служили и отрядам татар."[1]

Создавая новые, более южные укрепленные пункты, московское правительство заселяло их служилыми и казачьими элементами из ранее возникших пограничных же пунктов. Зеленин (стр. 49 — 50) дает длинный ряд примеров такого государственного движения к югу служилых людей и казаков.

К городецким и донским казакам в XVI — XVII в. в. относились воинские части следующих пунктов нынешних Тульск., Рязан., Тамб., Ворон. и Орлов. губ.: Пронск, Ряжск, Козлов, Лебедянь, Епифань, Сапожков, Михайлов, Воронеж, Елец, Ливны, Черновск, Донков, Чернь, Новосиль.[2]

„Казаки рязанского княжества были повидимому приселяемы князьями не только к более значительно укрепленным пунктам (городам, из которых многие и доныне имеют слободы, сохранившие названия казачьих), но и к мелким." [Близ с. Урусова Ранненбургского у. есть Казачий лес; близ с. Березова деревня Уланова — уланами называлась гвардия татарских ханов].[3]

Одновременно с государственной казачьей колонизацией юга шла и вольная казачья колонизация — на более дальнем юго-востоке от Москвы, в пределах Дона. Эти казаки жили главным образом грабежом отступавших все далее на юг татарских орд.

Донские казаки, вероятно, были также сильно татаризированы.

§ 12. Интересующая нас черта — *кя* (и др.), являющаяся „неорганической", не вытекающей из законов русского языка, не считающаяся с границами русских говоров, возникшая где-то в пределах Оки (Зеленин), близ Коломны или Рязани (рязанские и касимовские татары), легла через пределы всей России как раз по линии старой ордынской границы.

Пути указанной военной колонизации были и путями дальнейшего движения рассматриваемой нами черты.

Зарегистрированные на северо-восток от Москвы случаи — *кя* (и др.) нисколько не противоречат высказанным соображениям. — *Кя* след южной колонизации северного края. Ряд веских доказательств такой колонизации находим в указанном труде проф. Зеленина. Также и в работе акад. С. Ф. Платонова „Прошлое русского севера." Движение на север не через Москву, а восточной дорогой на Муром начали еще татары.[4]

Между Рязанью и Владимиром не было в эту эпоху прямого пути. Между ними лежала непроходимая болотистая Мещерская сторона,

---

[1] Платонов, Лекц. 186.

[2] Ист. опис. з. в. Д. 8.

[3] В. П. Семенов. Россия, II, стр. 129 — 130.

[4] Татарское слово казак довольно обычно и на нашем севере. Здесь татары-казаки поступали не в войска, как в степных местах, а в наемные рабочие. „Казак" в Вятск. губ. значит работник. (Диалект. Мат. Сб. ОРЯС Ак. Наук., т. 95, № 1, 74 стр.). И доныне „казачиха" наемная работница в Арханг. губ. Здесь поют:

„Кабы родимый тятенька
Такой, как у людей,
Не спускал бы в казачихи,
Ни за двадцать пять рублей (№ 266)".
Казачихи бедны люди,
Их хозяюшки не любят.
Ополоском напоят —
Всю неделю прокорят (№ 327)".

„Сборн. великор. частушек" под редакц. Елеонской. Москва. 1914 г.

сквозь леса и топи которой и в позднейшее время не было путей. Это пространство надобно было обходить, идя с юга — или вправо на Муром или влево на Москву. Татарские рати избирали первое направление и тем самым оставляли московские и тверские места далеко влево от главной арены.[1] В московских говорах, между прочим, не зарегистрировано — *кя*. Зеленин думает, что эта черта здесь вымерла. Мы думаем,[2] что она и не развилась. Татарских элементов, вливавшихся в московское население, было недостаточно, чтобы сообщить московскому говору оттенки татарского произношения, что с другой стороны, вполне понятно в пограничных русско-татарских казачьих поселениях. — *Кя* зарегистрировано в вост. части Волог. губ.[3] Несомненна здесь и волна более южной колонизации.

„За окрестности Вологды и за берега Сухоны шла долго глухая постоянная борьба между Новгородской и Низовской властью, Новгородской и Ростовской церковью, Новгородским и Суздальским населением. С большим трудом и длительными усилиями южные „приходцы" пробились на Сухону и отодвинули новгородскую границу с водораздела Кострома — Сухона на водораздел Сухона — Вага, переведя этим самым Вологду, Тотьму и Устюг в сферу Низовского влияния."[4]

§ 13. Движение — *кя* (вместе с южной колонизацией) на Вятку, Пермь и далее в пределы З. Сибири — явление вполне оправдываемое исторически: „Москва решилась покончить с Вяткой и учинила ее разгром в 1489 г. ...туда же подошел и вспомогательный отряд татарской конницы от Казани," Вятку „вывели" и туда „пошли новые волны приходцев, приливавших туда, как северным путем, с Сухоны, так и южным — из Нижегородского края.[5]

„Пермь получила первых русских насельников из Великого Новгорода, и, как на Вятке, новгородскую колонизацию здесь осложнило движение из Московской Руси, шедшее (не позднее XV в.) по р. р. Вычегде, Югу и Лузе на верховье Камы, а затем (со второй половины XVI в.) и прямым южным путем через Яранск и Вятские места."[6]

„В XVI в. Строгановы не могли обойтись силами местного населения. Они нанимали на свою службу бродячих „вольных" казаков, следуя в этом примеру самого Московского правительства. Недостаток регулярных войск оно пополняло вербовкою с Дона и Волги казачьих отрядов, которые и вливались в действующие войска. Для отражения татар от Московского центра в 1572 г. в „большом полку" в Серпухове стоял, напр., „прибранный на государеву службу казачий отряд атамана Мишки Черкашенина, но там же был присланный Строгановыми состоящий у них на службе отряд в 1000 казаков... Во время Ливонской войны Грозного в Прибалтийском крае действовал казачий отряд атамана Ермака."[7]

Случай — *кя* в Пустозерске, вероятно, также результат южной колонизации. Проследить пути этой колонизации пока еще не удалось.

---

[1] Платонов. Прошл. русск. сев., 25.

[2] Ср. статьи Шахматова в Изв. ОРЯС Ак. Наук, XX — 3.

[3] Мы наблюдали в д. Дикарево, Шепяновской вол. (в 40 верст. к вост. от Вологды): Ванькя, Колькя и пр.

[4] Платонов. Прошл. р. сев., 39.

[5] Платонов. Прошл. р. сев., 45. Также и стр. 43.

[6] Платонов. Прошл. р. сев., 47.

[7] Платонов. Прошл. русск. севера, 48.

Акад. Шахматов замечает: „Из Суздальской области мягкое *к*, привившееся к северно-великорусскому населению вместе с редукцией неударяемых гласных в слоге непредударном, перешло в Ярославскую и далее в Вологодскую и Вятскую губернии." Известия ОРЯС Ак. Наук XX, 3, 357.

§ 14. Случай с — *тя* из — *кя* у бойков Стрыйского округа, в Галиции, смутивший проф. Зеленина с его „боярскими детьми", совершенно просто решается нашей теорией. В Галиции не раз бывали нашествия татар и турок. При Михаиле Вишневецком (1672 г.) Магомет IV получил Подолию. В Галиции турки оставляли татарские (крымцев) гарнизоны и селения. Появление здесь — *кя* (с меной *к* на *т*) вполне возможно, как татарское влияние. При Магомете IV Галиция была разгромлена до Львова (включая Стрыйский округ), в разгромленных местах оставлены были татары.

§ 15. Возражение против нашей теории. Повидимому можно сделать одно возражение против нашей теории татарского происхождения — *кя* (и др.).

Особо настойчивое — *кя* наблюдаем в Рязанской губ., но не в северных уездах (где было Касимовское царство и где и сейчас живут татары), а в южных степных уездах этой губернии.

В Северной части Разанской губ. в наше время „мягкое *к* встречается вообще реже, оно не так последовательно, а кое-где и совсем отсутствует" (Зеленин, 322). В свое время эту же мысль высказал и проф. Будде, посетивший Спасский и Касимовский уезды.[1] Будде высказал предположение, что черта эта здесь вымерла.

Хотя после работы проф. Зеленина (1913 г.) произведен ряд новых обследований сев. уездов Рязанской г., обнаруживших в целом ряде настойчивое — *кя* (и др.),[2] мы все же бы не боялись допущения мысли, что в северной части Рязанской г. — *кя* (— *кю*) и не так часто, как в южных уездах той же губернии. В северной части татар было больше, но они здесь жили и живут, сохраняя свою национальность и национальный язык. Случаи же — *кя* (и др.) по нашей теории родились там, где татары мощной волной в л и в а л и с ь в р у с с к о е н а с е л е н и е и, переходя на русский язык, создавали особый жаргон, одной из черт которого являлось и — *кя* (и др.).

Касимовское царство было фондом, откуда выделялось татарское казачество, а сливалось с русскими элементами оно на пограничной службе, т. е. в южных уездах Рязанской губернии и далее к югу.[3]

Мало того, у проф. Зеленина есть и другое объяснение большей слабости — *кя* (и др.) в северных уездах Рязанской губ.

Северные уезды дают большой процент б. крепостных крестьян, что является следом позднейшей колонизации и по-ряду признаков северной колонизации.

„Процент крепостных крестьян в этой губернии сравнительно очень высок: 56½% в 1859 г., т. е. гораздо выше, чем в степных

---

[1] Учен. Зап. Каз. Унив. 1895. № 1.

[2] Е г о р ь е в. у. Лазгор. вол.: *кя, кю, кём...* Тр. Моск. Д. К. № 8, 48 стр.
Егорьев. у. Петр. вол.: *кя, кю, кём...* Сборн. О. Р. Я. С. Акад. Наук XCIX, в. 3, 123 стр. 1922.
К а с и м о в. у. Дубров. вол.: *кя, кю, кём...* Тр. Моск. Д. К. № 8, 14 стр.
Спасск. у.: *кя, кю, кём...* Тр. Моск. Д. К. III, 66.
Рязанск. у. Новосельск. вол.: *кк, кю, кём...* Тр. Моск. Д. К. III, 28.
Зарайск. у. Сб. О. Р. Я. С. Ак. Наук XCIX. № 6, 33. 1922 г.: *кя, кю, кём...*
Зарайск. у.: *кя, кю, кё...* — Тр. Моск. Д. К. III, 18, 1914 г.
В свое время, Зеленин, говоривший о слабом распространении — *кя* (и др.) в сев. части Ряз. губ., добавлял: наши сведения по географии Ряз. говор. вообще очень скудны. 322 стр.

[3] „Немаловажную роль в рязанских попытках колонизации Придонья играла повидимому особая охранная стража рязанских князей, состоявшая преимущественно из крещеных татар и впервые в истории получившая татарское название „казак". Эти казаки несли службу на южных окраинах Рязанского княжества, как люди хорошо знакомые с бытом кочевников." В. П. Семенов, Россия II, 129.

губерниях, уступая только Туле (68,94%) и Калуге (61,8%)... наименьшее число крепостных, свидетельствующее о наибольшем числе однодворцев, мы встречаем в чисто степном уезде Скопинском, наибольшее число крепостных в северных уездах: Касимовском и Рязанском".[1]

Вообще малоплодородный бывший Мещерский край (север Рязанской губернии) мало представлял соблазна для колонистов крестьян в эпоху, когда не чувствовалось еще большого земельного стеснения. Крестьяне здесь поселены сравнительно поздно: в XVII и XVIII в. в.

Наша теория была бы поколеблена, если-бы оказались факты, что — *кя* (и др.) мало известно там, где когда-то стояло руссифицированное татарское казачество.

Обширный материал, собранный профессором Зелениным, говорит именно об обильном — *кя* (и др.) в местах военных пограничных постов. Разница у нас лишь в толковании причин возникновенья и распространения этого — *кя* (и др.). Профессор Зеленин, как мы видели, считает это явление модой „детей боярских", сообщивших эту моду однодворцам и далее широким слоям крестьянства, мы же думаем, что возникновение этой черты результат массового перехода татар на русский язык, что и было в казачьих и вообще воинских частях.[2]

§ 16. Наша теория о татарском влиянии на русский язык в местах старой ордынской границы легко объясняет и длинный ряд других фактов: каё, *с* (из *ц*), сарь, сарафан, мену *с—ш* в некоторых говорах, обилие татарских фамилий [3] и проч.

§ 17. **Каё**. В ряде говоров, знающих — *кя* (и др.) и *с* (из *ц*) — тоже влияние татар, не имеющих вовсе звука *ц* — отмечено каёканье, т. е. употребление словечка *каё* с значениями: 1) где, куда и 2) ну-ка, дайка.

Академический словарь неправильно толкует все случаи каё, как „окаменевший падеж от местоимения *кой*". Употребление *кое* в смысле *что* (древние примеры у Буслаева — „Опыт ист. грам.", ч. II, 373 стр.) ничего не доказывает. К нашему *каё*, это *кое* отношения не имеет.

У татар есть слово *кая* [4] с теми же двумя значениями, что указаны в Академическом словаре для каё: 1) куда, 2) ну-ка!

— Кая бардынг — ты куда ходил. Кая, мин бергеня кабыйым — ну-ка, я разок откушу. Даль приводит для Курской губернии: Каё, сюда оглоблю-то. Академический словарь: каё, мне нож; каё, мне мешок (Кур. губ.), т. е. ну-ка, дайка оглоблю, нож...

Могло ли татарское кая на русской почве дать каё?

Вполне могло. Переход *я* ('а) в некоторых положениях в *ё* ('о) в говорах той же полосы (на восток от староордынской границы) явление обычное.

Украинское вiйя в южно-русских говорах дает войё („о" на месте закрытого „i" и jó на месте já). Украинское кляк (поп в игре в городки) здесь звучит: клёк, хряк (боров) — хрёк. Румёный (Митяк. ст. Донской области).

---

[1] Зеленин, 313.

[2] Татары в воинских (служилых) частях, вероятно, играли и роль начальников и командиров. Это вполне допустимо, если принять во внимание обилие русских дворянских семей татарского происхождения.

[3] Говоря, например, об особенностях говора Орловской губернии, Зеленин отмечает, „что о татарском (?) элементе свидетельствуют фамилии: Татаренковы, Кунаковы, Орнаутовы" (282). Татарское влияние даже и здесь взято Зелениным под сомнение.

В виду недостаточно собранного материала вопроса о фамилиях мы рассматривать не будем.

[4] Словарь Остр., 115.

Ср. также колебание, проникшее и в литературный язык: тряс — трёс, запряг — запрёг.

Профессор Будде для Рязанской губ. дает: пётна при пятно (аналогия: вядро — вёдра), дитё, нельзё, встрёхавал и др.[1] В Донской области нами записано ёрма при ярмо́.

Совершенно также из *кая* получилось *каё*. Значение для каё „где" понятно, т. к. южно-великоруссы вообще избегают слова „куда", заменяя его „где". Каё зарегистрировано в местах к юго-востоку от Москвы: Рязан. губ. (Ряз., Ранненб., Мих. у.), Тамб. (Тамб., Липецк., Козл. уезда), Ворон. (Вор.,[2] Корот., Усман. у.), Кур. (Кур., Обоян., Щигр., Тим. у.), Орловская губ., Калуж. (Тарус., Масальск. у.), Самарская губ. (Бугурсл. у.).

Библиография указана в вып. 5 четвертого тома Академического Словаря. Зеленин добавляет сюда одновременно с *с* (из *ц*): Земл. у. Воронежской губ. (108), Новох. у. Воронежской губ. (111), Ниж.-Дев. уезд Воронежской губ. (90), Обоян. у. Курской губ. (132), Судж. у. Курской губ. (148).

В „Сборнике великорусских частушек" Елеонской для Тульской губ. дано: „На что-ж ты мне, на каё-ж ты мне"... и т. д. (№ 3929).

На Дону (Иловлинская станица) мы записали форму чаё. Контаминация чаво и каё или аналогия к *тоё?*

§ 18. Сарафан. Одним из доказательств своей гипотезы профессор Зеленин считает наличие в говорах с —*кя* (и др.) сарафана — костюма аристократического, распространившегося первоначально в среде „детей боярских", а от них и у однодворцев.

Проще иное толкование.

Сарафан (сарапан) к нам принесен татарами,[3] как княжеский (сарский — царский) нарядный костюм. „Русские воеводы начаша ходити и ездити в охабнех и сарафанех, а доспехи своя на телеги и в сумы скуташа".[4]

Сарафаны носил царь Михаил Федорович.[5]

Позднее сарафан стал народным и даже женским костюмом. В костюмах это явление обычное. Те же охабни, только-что упомянутые в свидетельстве летописи, в настоящее время в Вологодской, Ярославской, Костромской губерниях — то же, что сермяжный зипун, а в Пошехонском уезде — бабья широкая юбка из домотканины.[6]

В области максимального смешения русских с татарами вполне понятно широкое распространение татарского костюма и без помощи „детей боярских".

---

[1] Будде. К диалектологии великор. наречий, стр. 23—24.

[2] Нами записано в с. Рождеств. Хава Ворон. у.

[3] Слово персидское, к нам же принесено тюрками. См. „Этим. словарь р. языка", А. Преображенского, 252.

Мы думаем, что три слова: сарь (царь), сарай (в диалектах — царай: царский, т. е. ханский дворец), сарафан (царский костюм) родственного происхождения.

[4] Никон, л. 6885 г. (1377 г.) И. И. Срезневский. Материалы для др. р. словаря.

[5] Срезневский. Матер. т. III, в. I, 263 стр.

[6] Даль. Толк. слов., т. II.

Сравни также „кирасы"—женский костюм в талию у казачек на Дону—заимствовано от костюма кирасирских полков.

В Калужской губ женский костюм „казак":

„Сшила маменька казак
Восемь пуговок назад,
А четыре наперед—
Никто замуж не берет".

Сборник великор. частушек. Ред. Елеонской. № 311.

§ 19. Сарь. В многих говорах с —*кя* (и др.) вместо царь говорят сарь. Ученые обычно рассматривают это явление, как мену *ц* — *с*. Мы думаем, что здесь никакой мены нет. У татар было только „сарь“ (звука *ц* у них нет), лишь русские, привыкшие к тому, что татары сюсюкают (не могут произнести *ц*), пытаясь избежать татарского „с“, сказали „царь“.[1]

Возможна и контаминация „сарь“ с „цѣсарь“ (цъсарь, цьсарь).

Царь появляется в XIII в., вероятно в самом конце его, так как еще в Прологе 1262 г.: цьсарьство.[2]

Срезневский[3] для XIII и XIV вв. дает примеры с царь — хан, царев — ханский и под., а для XV—XVII вв.: царь греческий, русский, небесный и т. д.

Отсюда и нынешнее название Царев — селение на р. Ахтубе, на месте ордынского Сарая.[4]

Хотя в слове сарь и нет *с* (из *ц*), однако его встречаем в полосе с *с* (из *ц*). То и другое следы татарщины.

На Дону „сарь“ нами записан в Качалинской и Иловлинской станицах, а в х. Ещеулове Кочетовской станицы: сарица (при сарь).

В Верхне-Курмоярской ст. (х. Базки) отмечено: „город Сарицын“ — гор. Царицын.

С Дона (если не непосредственно от татар) „сарь“ попало и к терским казакам.[5]

Отмечено, что иногда в говорах слово царь не подчиняется тем изменениям, что наблюдаются в других словах и слогом „ца“. В говоре Кочетовской станицы на Дону (Дурново „Диалект. разыск.“ I, 38) при случаях: цыпами, цыпях, цылковай, цыночка, цылей,— отмечено царя. Это объяснимо различным происхождением звука „*ц*“. В „царь“ „*ц*“ появилось после редукции гласных, в период когда „*ц*“ звучало твердо. До него было в этом слове твердое „*с*“: сарь, саря. В остальных приведенных случаях, в эпоху редукции гласных, „*ц*“ был мягким звуком и после него, как после других мягких, в условиях диссимилятивного яканья, появлялся звук переднего ряда, перешедший после отвердения „*ц*“ в „*ы*“.

С (из Ц).

§ 20. На Дону не редка мена *ц* — *с*: огурсы, яйсо, куриса, без ко́нса (без конца), пальсы, светы...

Особенно настойчиво это явление в низовьях Дона (х. х. Государев, Дугин, Елонь — Елизаветовской станицы), в других местах отмечены случаи: овса (овца) — Качалинская станица, пальсы — х. Ещеулов Кочетовской станицы, без конса — Маныч. станица, огурсы — х. Баски В.-Курм. ст., яйсо — Качалинск. ст. (редко), х. Керчик Разд. ст., куриса — х. Керчик. Светы (цветы) отмечено в I Дон. окр. в 9 местах, во II Дон. окр. — в 14 местах, в У.-Медв. окр. — в 6 местах, в Хоперском — в 8 местах. Также по верхнему Дону (Вешенск., Мигул. ст.).

---

[1] Мысль о том, что сарь первичнее царя и татарское заимствование впервые сообщил нам проф. И. П. Козловский.

[2] Соболевский. Лекции по ист. р. языка 111.

[3] Материалы для словаря др. р. яз. III, в 3, стр. 1433—34. Также: М. Н. Покровский. Русск. Ист. т. I. 144.

[4] Царское село еще в XVIII в. называлось „Сарским селом“. У Ломоносова „Ода на въезд в Сарское село“, Акад. изд.

[5] Караулов. „Говор станиц быв. Моздок. полка Терск. каз. войска“. Р. Ф. В., т. 44, 76 стр.

В донецких станицах и в низовых станицах довольно обычна форма тветки (из польско-укр.: квитки).

Наличие на Дону *с* (из *ц*) вполне понятно, так как у татар, некогда массой влившихся в казачьи части, нет вовсе звука *ц* и в том жаргоне, который получился от слияния русских с татарами, вполне возможна замена звука *ц* звуком *с* и взаимное их смешение.

Явление это на Дону было несомненно широко известно еще до XVIII в. У некрасовцев, вернувшихся из Малой Азии в Ейские степи (бежали в Турцию при Петре I), мы отметили: агурсы, семент, в Турсии, светы („Па садам Катя гуляла, алый светик сарывала").

§ 21. Профессор Зеленин, высказав предположение, что эту черту от донских казаков получили крестьяне Ливенского и Малоархангельского уездов Орловской губернии,[1] тут же добавил, что „вопрос о возможности занесения в Ливенский и Малоархангельский уезды *с* (из *ц*) из Донской области почти отпадает, вследствие того, что эта черта встречается также и в других местностях Орловской и соседних с нею губерний.[2]

§ 22. *С* (из *ц*), разумеется, далеко не только донская черта, она широко известна в русских говорах. Отмечена эта черта в говорах с — *кя* (и др.), и так же, как — *кя*, она не считается с границами русских говоров и не вытекает из каких-либо законов развития русского языка.

С (из *ц*) — явление „неорганического порядка", несомненно, наносное в наших диалектах. Мы считаем эту особенность также чертой русско-татарского жаргона, выработавшегося в XV—XVI в. в. в русских казачьих и вообще пограничных воинских частях.

Географически это вполне подтверждается. Тульская губ. — Новосильск. у.,[3] Белявск. у.,[4] Рязан. губ. — Егорьев. у.,[5] Тамбов. губ. Козлов. у.,[6] Орлов. г. Болхов. у.,[7] Мценск. у.,[8] Кромск. у.,[9] Ливенск. у.,[10] Малоархапг. у.,[11] Калужск. губ. — Мещев. у.,[12] Медын. у.,[13] Курск. губ. — Белгород. у.,[14] Тимск. у.,[15] Судж. у.,[16] Щигров. у.,[17] Оскольск. у.,[18] Дмитр. у.,[19] Фатеж. у.,[20] Брянск. г.,[21] Ворон. г., Землян. у.,[22] Коротояк. у.,[23] Сталинград. г. Царев. у.,[24] Пензен. г.[25]

---

[1] Зеленин, 218 стр.: „Из Ливенского и Малоархангельского уездов крестьяне с Фоминой недели уходят в землю войска Донского на заработки при уборке сена и хлебов, возвращаются оттуда уже осенью". („Записки Географического об-ва по отд. Этногр." II, 9).

[2] Зеленин, 218.

[3] Зеленин, 53, 218, 276.

[4] Там же, 284 и далее.

[5] „Матер. для изуч. велик. гов." Сб. ОРЯС Акад. Наук., XCIX, 3, стр. 128.

[6] Зеленин, 53.

[7] Зеленин — 218; Соболевск. РФВ. 1905, 3.

[8] Зеленин, 206—207.

[9] Зеленин, 196.

[10] „Матер." Сб. ОРЯС, XCIX—2, стр. 27. Зеленин.—53, 148, Соболев. РВФ. 1905, 3

[11] Зеленин, 203. Нами отмечено: с. Зиновьево Дросков. вол.

[12] Изв. ОРЯС Ак. Наук, 1898, I. Чернышев.

[13] „Мат." Сб ОРЯС Ак. Наук, XCIX, 3, стр. 44.

[14] Халанский „Гов. Кур. губ.", 44; Зеленин 143, 144, 218.

[15] Зеленин, 147.

[16] Там же.

[17] Там же, 144.

[18] Там же, 140.

[19] „Мат." Сб. ОРЯС, XCIX, 3, стр. 67.

[20] Зеленин, 147.

[21] „Мат." XCIX—2, стр. 13.

[22] Зеленин,—107, 148, 218, 219.

[23] Там же, 110, 218, 219.

[24] Р. В. Ф. т. 63, 114 и далее.

[25] „Мат." XCIX—3, стр. 88, 103.

Черта эта повидимому, нигде не выходит за границы изоглоссы — *кя* (и др.).

К северу (северо-востоку) от Москвы черта эта зарегистрирована в пунктах: Моск. г. Дмитр. у.,[1] Казан. г.,[2] Нижегор. г.,[3] Костр. губ. Ветлуж. у.,[4] Вятск. г. (ю.-вост. часть),[5] Пермск. губ. Екатеринб. у.[6]

§ 23. Точка зрения профессора Зеленина по этому вопросу, как это можно судить по его „Великор. говорам", не является вполне оформленной. Он высказывает ряд предположений:

I. Фактором распространения этой черты была мода:

„Черта эта одинаково распространена в говорах, далеко не вполне одинаковых. Все это заставляет предполагать, что тут шла некогда волна моды, не задевшая много гнезд барских крестьян, т. к. их тогда в этих местах еще не было".[7]

II. Черта западного (?) происхождения.

„Черта западная, но свойственная, как кажется, и тем рязанцам, которые смешались с мещерою".[8] „Это черта, которая легко мирится с западным происхождением говора".[9]

„Предки нынешних саянов [знающих *с* (из *ц*)] явились из-за западного рубежа".[10]

„Говор западного типа".[11] „Говор западных выходцев".[12] „Восходит к западному (белорусскому) влиянию".[13]

III. *С* из *ц* — подмосковное явление. „Другая волна тоже московского или подмосковного происхождения, несшая с собой *с* (из *ц*)."[14] „Проникла сюда из подмосковных мест волна свистящего произношения звука *ц*".[15] „Согласнее с другими чертами местного говора было бы выводить основную группу местных сокальщиков из Мосвы же. Таким местом могла бы быть, например, Гуслица".[16]

IV. Не невозможна, по Зеленину, и иная точка зрения: черта северного происхождения.

„Диалектологами уже было высказано мнение, что ю.-в. говоры с *с* (из *ц*) принадлежат северянам (Соболевский. Р. Ф. В. 1905, 3). Не считая этого мнения доказанным, мы однако, не видим к признанию его и каких-либо неодолимых препятствий".[17]

Впрочем, профессор Зеленин более склонен думать, что на север (Приуралье) эта черта занесена туляками на заводы, а с заводов распространилась в глубь народных масс.

„Сев.-великор. и южно-велик. соканье (*с* из *ц*) можно объединить и выводить из одного источника, если предположить, что оно впервые было занесено на северо-восток Европы теми туляками, которые

---

[1] Р. В. Ф., 1905, 3. Соболевск., ссылка на Чернышева.
[2] „Мат." Сб. ОРЯС—XCIX—3, стр. 16.
[3] Там же, 72 стр.
[4] Р. В. Ф. 1905, 3, Соболевский.
[5] Зеленин. „Жив. Стар." 1901, № 1.
[6] Р. Ф. В. 1905, № 3. Соболевский; Зеленин, „Велик. гов."—219 и далее.
[7] Зеленин, 282. Также 202: „В Ливен. у. черта эта была, повидимому, модною.".
[8] Там же, 53.
[9] Там же, 139.
[10] Там же, 146.
[11] Там же, 53.
[12] Там же, 118.
[13] Там же, 144.
[14] Там же, 210.
[15] Там же, 213.
[16] Там же, 262.
[17] Там же, 203.

во множестве переселены были Демидовыми и др. на первые уральские заводы... В качестве модных (особенности говора) легко могли распространиться по всему Уралу, в Западной Сибири, а также и ю.-в. Вятской губ., где пермская колонизация была значительною".[1]

V. Психологическая причина. Отметив, что *с* (из *ц*) бывает часто в говорах, „где не все благополучно относительно *ц* (явления цоканья)", Зеленин высказывает предположение, что „цокальщики начинали уже стесняться и стыдиться вечного своего *ц*, над которым смеялись их соседи, а в соканьи (*с* из *ц*) они находили весьма легкий выход из своего положения".[2]

VI. Высказывает профессор Зеленин и мысль о самостоятельно развившемся *с* из *ц*:

„Самый процесс соканья, т. е. замены звука *ц* свистящим *с* проще всего понять по аналогии с нередко сопутствующею соканью чертою—произношением *щ* вместо *ч*. В последнем случае перед *ч*, очевидно, вставляется звук *с*: счистый дало щистый. То же самое мы предполагаем и для соканья: звуку *ц* предпосылается свистящий *с*, потом произошла регрессивная ассимиляция этих двух звуков, в результате чего явилось долгое *с*, после утратившее свою долготу. В дальнейшем кое-где произошло и взаимное смешение звуков *ц* и *с*... Конечно, это наша гипотеза может не подтвердиться..."[3]

§ 24. Особенно неубедительно предположение о западном — белорусском происхождении *с* (из *ц*). В белорусских говорах *с* (из *ц*) мы не знаем.[4]

Во всяком случае его там нет, как явления массового и столь прочного, чтобы оно могло оказывать влияние и на другие даже дальние говоры.

У нас есть и косвенное доказательство не-белорусского происхождения этой черты. В говорах Никольской вол. Фатежск. у. и в селе Мармыжи Дмитровск. у. в Курской губ. зарегистрированы несомненно белорусские черты при одновременном *с* (из *ц*).[5] Среди отмеченных фактов есть случаи типа „несси" из „несци" — infinit. к несу. *С* (из *ц*) здесь, так сказать, легло сверху белорусской черты. Это не белорусское, а позднейшее явление. Сначала совершился переход *т'* в *ц* (это белорусский процесс) и только после этого *ц* заменилось *с*, надо полагать, под посторонним, поздним влиянием. *С* (из *ц*) широко известно в казачьих говорах многих мест Орловской и Курской губерний, не имеющих ничего общего с белорусскими говорами. Отсюда оно, вероятно, попало и к населению указанных пунктов.

§ 25. Итак, мы возвращаемся снова к нашей теории о русско-татарском (казачьем) жаргоне, где *с* (из *ц*) было вполне понятно. Теория наша подтверждается географией изоглоссы *с* (из *ц*)—см. § 22.

---

[1] Зеленин, 219, 414 и др.

[2] Зеленин, 219, 220.

[3] Зеленин, 221.

[4] Мы обратились к белорусским ученым с просьбой указать, где и как в Белоруссии широко известно *с* (из *ц*). Проф. П. А. Бузук нам пишет: „Должен признаться, что лично я этого явления нигде не встречал, даже в говорах, переходных к великорусским (в невельских и велижских, исследованных мною в прошлом—1926 году, и в рославльских и вяземских, которые я изучал уже в этом году)." Почти то же сообщает нам и другой исследователь белорусских говоров—проф. Волк-Левонович: „Лично мне не приходилось наблюдать такого явления. В изданных до сего времени диалектологических материалах я тоже не помню такого случая". Проф. П. А. Расторгуев, автор исследования „Северские белорусские говоры" (1927 г.) на наш вопрос о мене *с—ц* в данных говорах решительно ответил: нет! Таких явлений я нигде не наблюдал в северских говорах. (Заседание Институт, яз. и литературы при РАНИИОН в Москве, 17-I—1928 г.).

[5] Зеленин, 147.

Зеленин однажды был очень близок к нашей точке зрения, но надлежащих выводов не сделал. Говоря о *с* (из *ц*) в Пермской губернии, Зеленин замечает:

„Соседство татар, в языке которых звука *ц* совсем нет, лишний раз могло способствовать распространению этой черты."[1] И только всего. Собранный материал (§ 22) проф. Зеленин тщательно проработал этнографически и исторически. Именно эти историко-этнографические данные, как нельзя лучше, подтверждают нашу теорию.

Особенно большое число случаев *с* (из *ц*) дает Зеленин для „казацких" сел Новосильского уезда,[2] замечая, что у крестьян такого обильного и последовательного *с* (из *ц*) нет.[3]

„Происхождение новосильских казаков должны выяснить исторические изыскания в соответствующих архивах. Пока же мы можем высказать на этот счет лишь одну гипотезу: новосильские казаки — это рязанские или иные военно-служилые люди, которые в свое время командированы были правительством в Азовскую и Черкасскую службу, за что и получили земли".[4]

§ 26. В настоящее время *с* (из *ц*) вымирает. Доказательство этому мы видим в том любопытном явлении, что слово „светы" широко известно и там, где других фактов *с* (из *ц*) не наблюдается. Очевидно, раньше область *с* (из *ц*) была более обширна — „светы" „светочки" — хранят следы этого, сами же удерживаются благодаря новому осмыслению слова — от „свет".

Ш (из с) и с (из ш).

§ 27. Мы видели (§ 4), что все наблюдатели низового донского говора единодушно отмечают мену *ш—с*: шкоро, шорок, Маса, Шаня, шпички, солк и т. д.

Наши наблюдения показали, что данная черта лежит не на всем протяжении указанных станиц.

1. Старочеркасская станица.

Ш (из с): у ваш, у наш, Шаша, Шаня, шула (сула — судак), криши (крысы), в Черкашке, в Акшае, шавшем, шкажу, кошари, шапоги, шорок, шпички, шуда, городшкие, шпокойной ночи, штруги (струги и др. суда), штружамент (из стружамент — этимологизированное „транжемент" из retranchement).

С (из ш): салаш, под крисай (под крышей), скапчик, сапка, Саса, Маса, Катюса.

Хут. Рыков, Старочеркасской станицы. Зарегистрировано сильное шепелявение (в 1926—27): шуда, шула, шундук, Шаня, городшкие, шпички, шпокою и т. д. Случаев *с (из ш)* не отмечено.

2. Аксайская станица.

Ш (из с): у ваш, у наш, Шаша, шула, в Черкашке, в Акшае, шкажу, шапоги, шпички.

С (из ш): скапчик, сапка, игрусецка.

---

[1] Зеленин, 219.
[2] Там же, 276.
[3] Там же, 277.
[4] Там же, 274.

В Аксайской ст. данное явление определенно вымирает. О нем там помнят, но следы его весьма редки. Вероятно, влияет городской уклад жизни. [1]

3. Александровская станица.

Ш (из с): паишная икра.
Других случаев нами не зарегистрировано.[2]

4. Гниловская станица.

Случаев мены *с—ш* не зарегистрировано. [3]

5. Елизаветовская станица.

Ш (из с): у наш, у ваш, шула. [4]
Хут. Государев Елизаветовской станицы.[5]
Ш (из с): у ваш, у наш, шкоро, около шести чашов, шагл асайша.
С (из ш): барисня, висни, сто-за, у мене нема тваёй субы.
В данном месте довольно обычна мена *с — ш*. Одиночные случаи мены *ш — с* (собственно *щ* из *с*) мы встречали и в хуторах Елизаветовской станицы: Рогожкином, Елоне, Дугине, Синявском.
Вне территории указанных станиц нами отмечены случаи:
1. Грушевская ст.: сабаш, Шашечка, Шанечка, шажен, шарахван.
2. Багаевская ст.: шалтаны (султаны), шпориш (спорыш).
3. Мелиховская ст.: шкорлуха.
4. Маныческая ст.: сабаш.
5. Скуришенская ст.: дурасливый.
6. Алексеевская ст., х. Чечеринский: сабас.
7. Есауловская ст., х.х. Филатов, Басакин, Ольховый, Подольховый: у наш, у ваш.
8. Добринская ст., х. Безыменский: шагайдак.
В длинном ряде пунктов отмечено: шишнадцать, широко известное и в соседних губерниях: Воронежской, Тамбовской, Саратовской. Вероятно, случай ассимиляции звуков.
§ 28. Факты смешения *с — ш* почти не отразились в донских памятниках прошлых веков. Возможно, что писаря XVI—XVII веков, писавшие отписки в Москву, иногда были лицами северного происхождения. „С“ и „ш“ в русских словах они не путали, для слов же

---

[1] Кроме городского влияния, должно отметить и иное происхождение станицы. Возникла она в 1768 г, из Усть-Оксайского рыбацкого стана казаков разных черкасских станиц. Дон. Еп. Вед. 1889, № 18, 850.

[2] Сильно городское влияние. Кроме того, станица имеет особую от Ст.-Черкасска судьбу.
До 1848 г. на месте Александровской ст. было два поселения: Александровское и Сретенское. Сретенское рыбацкое из казаков разных станиц, Александровское же (повидимому, большее) образовано из поселения сюда конно-азовского полка, что стоял в крепости св. Анны. В 1777 г. эти солдаты (вероятно, украинцы) приписаны в казачество. В 1790 г. расширена и Сретенская часть путем приписки к ней казаков разных станиц Черкасского округа и малороссов. Дон. Еп. Вед. 1889, 18, 849.

[3] Городское влияние и иное, сравнительно с Старочеркасской ст., происхождение: станица образована в 1797 г. из рыбацкого стана и украинского поселка. Дон. Еп. Вед. 1889, № 15, 711.

[4] Станица возникла в виде рыбацкого поселка (около 1760 г.) из казаков Старочеркасской, Аксайской, Сретенской и Роговой (часть Александровской) станиц. В 1811 г. к станице приписаны принятые в казачество и рыбаки украинцы. Дон. Еп. Вед. 1889, № 15, 708.

[5] Вероятно, бывший рыбацкий поселок Старочеркассцев.

нерусского происхождения у них не было достаточного критерия для разграничения *ш — с*.

В памятниках XVII века мы отметили несколько раз „тайса“ на ряду с „тайша“: в войсковой отписке 1648 г. чередование тайша и тайса[1], также в 1650 г.[2] и 1655 г.[3]

Одновременно с меной *ш — с* встречается и мена *ж — з*, хотя примеров такой мены зарегистрировано нами меньше.[4]

1. Старочеркасская ст.: жуби (зубы), жабрали, зарко, уз, невозмозно, зыть.
2. Аксайская ст.: жуби, невозмозно.
3. Елизаветовская ст., х. Государев: сто-за, уз.
4. Нагаевская ст.: чавоза.

§ 29. Рассматриваемая мена звуков отмечена в народных присловиях.

„У нас под крисай крыши завелись“.[5]

„Саса, Маса, Покутяса, бери рогозку, затворяй окоску, ходи к нам с оселецциком кофейку попить“.[6]

„У нас в Черкашке и Акшае риба нонича шавшем не ловица“.[7]

„Нонича рушаки и кашари все хлеби пожабрали“.[8]

„Городшкие поприходили шуда, так никогда шпокою не будет“— жалуются кавалеры х. Рыкова на конкурентов из Ростова.[9]

Этими присловиями подчеркиваются ныне вымирающие черты говора казаков района Старочеркасской — Аксайской ст., в говоре же казаков Елизаветовской станицы отмечено обилие *ц (из ч)*:

„Пойду на Сцуцью (Щучья — старое название Елизавет. ст.), там хоць кофеецку с оселёдацками напьюсь“.[10]

Вероятно, к характеристике этого же говора относится и приводимая Савельевым фраза:

„Мы поставили угодницку свецецки и помолились бозыцку“.[11]

§ 30. Рассмотренное явление не закономерно, не обусловлено какою-либо органическою необходимостью. Лица, меняющие *с* на *ш* в одинаковых фонетических условиях, могут дать и обратную мену и сохранить звуки без какой-либо мены.

Незакономерность этого явления легче всего проследить на мене *с — ш*, как отмеченных в более значительном числе случаев.

Возможны самые разнообразные случаи:

1. Мена в начале (шорок, солк).
2. Мена на конце (у ваш, сабас).
3. Ante: *к, к', п, п', н, н', т, т', л'*.
4. Post: *в, к, д*.

То-есть, после и перед 1) звонкими и глухими, 2) твердыми и мягкими, 3) взрывными и длительными, 4) передне и задне-язычными, 5) губными, 6) носовыми.

---

[1] Донские дела III, 830. В тексте формы, дающие право предположить северное происхождение писавшего: „тотары“, „Олексея“, „царьский“.

[2] Донские дела IV, 414 — 445 и 447. В тексте: Ондрей, Олексей.

[3] Донские дела V, 43 — 44. В тексте: отоман, слышечи, пришедчи, розоряли, государьский, Онтон.

[4] Широко известные на Дону: зябры и зебры, зелезо, земчуг, дражнить не иллюстрируют рассматриваемого диалектизма. Также и „везу“ вместо вяжу.

[5] Е. Савельев. Типы донских казаков, 11.

[6] Халанский (1903 г.) — в Аксае.

[7] Е. Савельев. Типы, 13.

[8] Там же.

[9] Записано нами в Старочеркасской ст.

[10] Записано нами в х. Государеве Елизавет. ст.

[11] Е. Савельев. Типы, 11.

5. Ante: *à, ă, ò, ŏ, é, ĕ, ́и, ŭ, ы, ỳ, ў*. [Нет: *ù*.

6. Post: *a, ă, ŏ, ́и, ū, ý* (ю), *j* (тайса). [Нет: *ò, ў*.[1]

Несомненна полная свобода данного явления и от ударяемого слога: а) в слоге ударном: Ша́ша и Са́ша, шо́рок и со́лк, шавше́м при сѐнцы и т. д.; б) в слоге до ударения: шула́, шуда́, шалта́ны и сабаш, салаш; в) в слоге после ударения: шагласайша, паишная икра, крыши (крысы), висни, дурасливый и т. д.

§ 31. На основании всего сказанного, мы делаем вывод, что это не свое, а чужое, наносное явление.

С этим согласны и перечисленные выше наблюдатели.

Первое предположение о происхождении низового говора сделал в 1881 г. Номикосов: „Это сюсюканье, на наш взгляд, есть наследие татар“.[2]

К сожалению, никаких доказательств своей, верной по существу, догадки Номикосов не дал и никто не поддержал его точки зрения. Проф. Зеленин, рассматривая свидетельство Номикосова, заметил: „Тут, конечно, не все точно, но указание на сознательный принцип в говоре верен“.[3] Далее Зеленин, игнорируя предположение о татарском влиянии, говорит о сознательном усвоении (подражании) произношения с меной *с — ш*.

Игнорируют эту мысль и донские историки и исследователи языка.

§ 32. Наше предположение совпадает с догадкой Номикосова. На Дону было, так сказать, троякое влияние татар: 1) казачество при своем возникновении было сильно татаризировано; 2) за недостатком женщин, низовые казаки добывали себе жен, главным образом, путем набегов на татарские улусы и пленения татарок; 3) в Старочеркасске в течение ряда веков вместе с казаками на равных правах жили татары (остатки их живут ныне в х. Татарском, Грушевской станицы— под Новочеркасском), называющие себя нагайцами.

Язык этих татар, в их попытках говорить по-русски, отличается и сюсюканьем *(с* из *ц)* и частым *ш* на месте *с*.

Наше обследование их языка обнаружило у них особый диалект, отличающийся как от языка казанских, так и от языка крымских татар.

Этот диалект должно квалифицировать как диалект, обильный шипящими звуками: вместо отсутствующего у них звука *ч* употребляется *ш*, вместо *j* — звук *ж*.

„Сюсюканье“ и обилие шипящих в языке этих татар гораздо шире и последовательнее, чем у старочеркассцев, и, если допустить заимствование, то, конечно, заимствовали некоторые черты (вне последовательности) именно русские (казаки) от татар, а не наоборот. Это предположение мы и постараемся обосновать.

§ 33. Высказано предположение, что мена *с — ш* у обнизовых казаков — результат греческого влияния.

Первый высказал мысль о греческом влиянии на язык обнизовых казаков Калмыков (1898 г.):

„вероятно под влиянием инородческого, кажется, греческого жаргона... Влияние малороссов, а также греков на низовый говор вполне (?) объясняется историею низового казачества... греки торговцы в Черкасске, может быть и беглецы-удальцы“[4].

---

[1] Делать выводы, что такой мены не бывает перед „и“ и после „ò“ и „ў“ не должно. Очевидна недостаточность зарегистрированного материала.

[2] „Стат. Опис. обл. в. Донск.“, 281.

[3] Зеленин, 354.

[4] Калмыков. „Сведения о кочет. говоре“. Изв. О. Р. Я. С. Ак. Наук. Прил. ко 2-й книжке III тома. 1898 г.

Через два года эту мысль уже подробно развивает Соловьев:

„В Черкасском говоре можно предположить влияние, хотя отчасти, греческое, так как с греками городские жители прежде имели более частое сношение, чем теперь, и по делам и через поездки преимущественно богатых женщин в г. Мариуполь, или Мариомполь, как еще ныне называют его некоторые женщины в Новочеркасске, для поклонения иконе божьей матери, находящейся в тамошнем соборе. Некоторые из казачек-помещиц и замуж выходили там за греков. Греки же, говоря по-русски, произносят *и* вместо *ы* и притом как бы сюсюкают".[1]

В третий раз (и в третий раз без каких-либо доказательств!) повторил эту гипотезу проф. В. В. Богачев (геолог):

„Впрочем, этот говор исчезает, да и вообще он был более распространен среди женщин, чем среди мужчин.

В нем явственно подражание грекам. Ведь обучение малого ребенка речи, при постоянных походах отцов, лежало на обязанности матери, а жены низовых казаков, если то были христианки, брались из Азова и греческих селений близ моря".[2]

Вопрос о греческом влиянии, как говорится, надо просто снять. Массового соприкосновения казаков с греками за время с XV века (т. е. с начала казачества на Дону) не было вовсе.

В 1768 г. Ригельман, характеризуя население Ст.-Черкасска, упоминает и греков, „однако же, очень мало".

„Между крепостными бывшей св. Анны и св. Димитрия находится ведомства войска донского город Черкаск, оной состоит по северной стороне р. Дона на острову, построен от р. Дона каменною, а от протока деревянною стеною с раскатами, окружностью 1097 саж... жители состоят казаки и отчасти татары, а несколько, однако же очень мало, и греков".[3]

В Ростове в это время (хотя и ближе к морю) также греков было ничтожное количество. На общее количество дворов 1313 — греческих всего было 3, т. е. 0,2%. „Дворов греческих внутри крепости — 1, вне крепости 2, а всего 3".[4]

Массовое появление греков на берегах Азовского моря (вне посредственной близости к казакам) относится к 1770 г., когда граф Орлов-Чесменский переселил из Крыма в Таганрог и его окрестности их до 3000 человек. Теперь их там около 8000,[5] но дело в том, что они говорят не на греческом, а на татаро-турецком жаргоне.

Серьезно говорить о влиянии греков через одиночек казачек, ездивших „к чудотворной иконе" в Мариуполь, не приходится.

В старину казаки тяготели к северным духовным центрам, у них были два излюбленных монастыря: Боршовский Троицкий монастырь (известный уже в 1615 г.) близ Воронежа и Черниев Никольский на Цне (с 1573). Позже у казаков явилась своя чудотворная икона в Аксае и ездить на поклонение к чужой богородице, миновав свою в Аксае, было бы и непатриотично и прямо непонятно. Если и бывали когда-либо поездки, то одиночные, а не массового характера.[6]

---

[1] Соловьев. „Особенности говора дон. казаков". LXVIII т. Сб. ОРЯС. Акад. Наук. 1900. В нашем распоряжении находится указанная книга из библиотеки Л. Багаевского (большого знатока истории и быта Дона, бывшего помощн. директора войск. музея) с его карандашными пометками. На полях процитированного места отмечено: „Единичные явления".

[2] Богачев. Очерки географии. В. В. Д. 1919, 262.

[3] Ригельман. 32.

[4] Ригельман, 14.

[5] Богачев, 349.

[6] А. Кириллов. Часовни, церкви и монастыри на Дону. Ст. сб. VI. Новочерк., 1906 г.

§ 34. Донской историк Е. Савельев высказывает гипотезу о древне-готском влиянии, осложненном позднейшим греческим влиянием.

„Это характерное смешение шипящих звуков с свистящими, т. е. сюсюканье, и теперь довольно рельефно сказывается в говоре жителей на всем северном и восточном побережьях Черного и Азовского морей, т. е. от устьев Дуная до устьев Кубани, в некоторых старых станицах Терека, низовьев Урала и Дона, в станицах Старочеркасской, Аксайской, Елизаветовской... Это есть остатки древне-готского говора, явившегося под влиянием греческой культуры“ (12 стр.)

И далее: „Донские казаки, потомки древних казахов, алан-готов, известных у древне-греческих и римских историков под многими другими названиями, поэтому они естественно могли сохранить этот особенный древне-готский говор, а потом перенесли его на Терек, Урал, Кубань и другие места, куда проникала казачья колонизация“ (13 стр.).

Не нужно многих слов, чтобы опровергнуть это фантастическое построение.[1]

Во-первых,— древне-готский язык не отличается ни сюсюканием, ни обилием шипящих.

Во-вторых,— сюсюканием отличается не народный греческий язык (в греческих диалектах есть все известные нашему языку шипящие звуки — личное указание нам проф. Семенова), а язык приазовских греков, говорящих на турецко-татарском жаргоне.

Ничего нет удивительного, что это сюсюкание то в большей, то в меньшей мере (ныне вымирает) чувствуется „от Дуная до Кубани.“

Именно „от Дуная до Кубани“ еще совсем недавно обитали татары (Малые нагайцы: буджакская орда от Днепровского лимана до устьев Дуная, едисанская — в Очаковской области, джамбуйлукская и едичкульская — прикрымские степи и часть Екатеринославской губ., азовская и кубанская орды).[2]

В доказательство „независимости“ донского языка от русского Е. Савельев[3] приводит 71 слово, которых „вовсе нет на русском языке“. При ближайшей проверке оказывается, что все 71 слово известны или как русские (обще-славянские) или как татарские или калмыцкие. Включено в этот список и несколько слов немецко-польского происхождения.[4]

§ 35. Теперь попытаемся обосновать нашу точку зрения (татарское влияние). Для этого необходимо выяснить, насколько действительно

---

[1] Этот историк, между прочим, серьезно доказывает, что древние троянцы и Эней — донские казаки! Они же основали и Рим! См. „Голос Казачества“ № 23, стр. 275 и дальше, 1912 г. Также и в отд. изданиях его „Древней, средней и новой истории донского казачества“.

[2] В 1770 г. западное крыло этих орд (буджакская и едисанская орды) приняло русское подданство и было переброшено сначала к г. Азову, а позднее переселено в Ейские степи между Доном и Кубанью.

В 1790 г. они были переброшены на северный берег Азовского моря. При императоре Павле они несут военную службу.

В 1821 г., дабы сделать их оседлыми, для них был основан русским правительством город Нагайск, а 1830 — Бердянск.

После Крымской войны Малые нагайцы ушли в Турцию — в Малую Азию.

„Теперь не осталось у нас ни одного нагайца в северных уездах Таврической губ.“ — заканчивает свой очерк автор статьи в словаре Брокгауза-Ефрона.

Единственным живым следом их является небольшое селение недалеко от г. Новочеркасска — Татарский хутор („Татарская слободка“) на правом берегу р. Тузлова.

[3] „Типы донских казаков и особенности их говора“. 1908 г.

[4] Следующие слова у Даля отмечены для губерний: Курск., Орл., Ворон., Перм., Тамб., Волог., Украины и т. д.: бусорь, буерак, хантурник (халтурник), гак, галь, гла,-дыш, грубка, гульга, дежа, дрюк (польско-укр. слово), жалмерка (польск.), зарочье, зебры, варка, кабак, дурак, коник, корец, кулючки, куруша, кутенок, лагутка, махор

были взаимно близки казаки и татары и затем поставить вопрос, насколько близка фонетика татарского языка с особенностями рассматриваемого говора обнизовых казаков.

§ 36. Татары на Дону.

Казачьи отряды были сильно татаризированы уже при своем возникновении (§ 11), на Дону они жили в непосредственной близости к нагайским татарам, то воевали, то мирились с ними. Во время набегов на татарские улусы казаки брали ясырь (плен), особенно женщин — часть их становилась женами казаков, а часть разбиралась в ясырки — работницы.[1]

С татарами были не только военные, но и мирные сношения уже в XVII в. В то время, напр., когда донцы занимали Азов, к ним приезжали с товарами татарские купцы. В войсковой отписке (от 1641 г.) в Москву — читаем: „Приезжали из Темрюка в Азов торговых людей человек з двадцать с киндяками и с сафьяны, с шолком, з бязью и с ыными товары...“[2]

§ 37. На Дону, в самом центре донского казачества — в Черкасске (Старочеркасская ст.) издавна жили и татары, принятые в казачество, но сохранившие свою национальность и язык. Они занимали одну из частей казачьего городка под именем Татарской станицы. Эти татары пользовались всеми казачьими правами и обязанностями: участвовали в казачьих походах и посольствах, в мирное время занимались скотоводством и торговлею. Торговые казаки — татары были в Черкасске и в XVIII в.

В первый раз в сохранившихся казачьих отписках упоминаются „свои донские татары“ в 1636 г.[3]

Факт этот, повидимому, в указанном году не был новшеством, о нем говорится между прочим, наряду с другими обычными донскими делами, о нем не извещается Москва, факт этот никого не удивляет.

Уже в первой половине XVII в. татары, как определенная войсковая единица, участвуют вместе с казаками в их походах.

В 1641 г. казаки сообщают в Москву: „Посылаем от войска из Азова своих донских казаков трехсот человек да Азамата мурзу Мансурова с своими татары под Крым.“[4]

В 1657 г.: „Посылали мы, холопы твои, своих низовых казаков и тотар под Крым.“[5]

В 1659 г.: „Ходили с войска Донские казаки и юртовые тотарове.“[6]

махотка, мокитра, бардак (горшок для барды), мосты, ожерелок, патлы, руда, сапа (из цапа — змея), сапетка, ерандак, тарабарки, парус, лантух (с немецк.), дрот (с немецк.), воловище, веретье, рядно, благим матом, надась, ужо, давеча, маделый, болючий, болезный, кровучий, кундюбый, ломовитый, заевый, жалковать, шумнуть, засмаливать, валандаться, гондобить, скондобить, снугрять, лиментоваться (польско-укр.), мусол (мосол), болванеть (болван).

Сюда же включены и татарские слова: сюзьма, чинак, саган, кубилек, бизилики.

Калмыцкие слова: уре, джулун, дулма. Не ясна для нас пока этимология лишь одного слова: ринджиглы.

[1] В памятниках XVII в. не редки сообщения: 1637 г.: „и в тех улусех многих татар порубили, а Урмаметевых мурз жон и детей и черных мужиков жен и детей с избами (кибитками) заворотили многих“. Дон. Дела I, 540.

1646 г.: „Кочевые люди пошли от Азова прочь, изб с 500, и тех де в степи всех побили, а жон и детей поимали.“ Дон. Дела III, 172.

1659 г.: „И многих крымских людей побили и в полон жон и детей их поимали и с собою к нам привезли.“ Дон. Дела V, 561.

[2] Дон. Дела II, 127.

[3] Дон. Дела I, 505.

[4] Дон. Дела II, 120. Сравни: Дон. Дела II, 163.

[5] Там же, т. V, 248.

[6] Там же, т. V, 337.

В следующем году: „Посылали мы в поход на крымскую степь конных своих донских казаков и тотар.“[1]

Казаки называли этих татар „своими донскими тотарами“[2], „низовыми татарами“,[3] „юртовыми татарами“, т. е. татарами, в распоряжении которых были земельные угодья.[4]

Татары эти пользовались доверием и постоянно несли дипломатическую службу в сношениях с нагайцами и калмыками.

В 1636 г. казаки „к мурзам послали от себя своих донских тотар.“[5]

В 1637 г.: „Посылали от сябя из Азова в Ногаи Большии к мурзам своих трех человек тотар.“[6]

В 1638 г. казаки сообщили в Москву, что они „Посыловали многижды в Ногаи к мурзам своих донских тотар.“[7]

В 1645 г.: „Посылали в улусы к тем мурзам своих донских татар дву человек нарочетых людей.“[8]

В 1648 г. посылали на разведки „своего низового лутчева тотатина“[9] и еще „посылали проведать лутчих своих тотар.“[10]

В 1638—41 г. в Москву едет вестовая станица с атаманом „Михаилом Ивановичем сыном Татарином“ во главе: „Из Азова от войска донского в станице атаман войсковый Михайло Иванов сын Татарин, а с ним ясаул Петр Шадеев, да казаков 21 человек“...[11]

В посольстве Михаила Татарина в числе других были „два татарина: Муратко Абыз да Симонтайко Татарин.“[12]

Это не единичный случай. В посольстве 1638 г. (23. VII) в числе других — Касулан Татарин[13], в посольстве 1639 г. (7. X) Байтерек Татарин, Ямурлук Татарин, Чупай Татарин, Яшик Татарин[14], в посольстве того же года от 17—12—Кошпат Татарин, Тотлы Татарин[15], в посольстве 1641 г. отправляли в Москву атаманов, „а с ними татар своих Енгулка да Доинка, да Онайка...“[16], в посольстве 1660 г. упоминается Хозяйка Татарин[17], в посольстве 1661 г.— Яктембит Мангареев.[18]

Своих татар донцы берегли наравне с казаками. Однажды (в июле 1638 года) во время битвы казаков с нагайцами отбился от казаков и заблудился в степи донской татарин Учкан и попал в плен к русским. Это пленение Учкана послужило поводом специальных сношений казаков с Москвой. Казаки ходатайствовали об его освобождении.[19] Татарская станица, как часть Черкасска (нынешняя Старочеркасская ст.), упоминается впервые в 1692 г., но, повидимому, она уже существовала значительно раньше. В 1778 г. она состояла из 99 дворов и мечети.[20]

---

[1] Дон. Дела, 670.

[2] Там же, I, 505 (1636 г.), 643 (1637 г.), 694 (1638 г.); II, 120 (1641 г.), 655 (1645 г.) III, 830 (1648 г.)

[3] Там же, III, 814 (1648 г.); V, 248 (1657 г.).

[4] Там же, V, 337 (1659 г.).

[5] Дон. Дела I, 505.

[6] Там же, 643.

[7] Там же, 694.

[8] Там же, т. II, 655.

[9] Там же, т. III, 814.

[10] Там же, 830.

[11] Там же, I, 770, 734; Дон. Дела II, 190: Татаринов.

[12] Дон. Дела т. I, 734.

[13] Там же, 820.

[14] Там же, 934.

[15] Там же, 965.

[16] Там же, II, 177.

[17] Там же, V, 672.

[18] Там же, 883.

[19] Челобитная атамана Дениса Парфенова. Дон. Дела I, 803.

[20] Известен случай, когда во время большого пожара в начале XVIII в. сгорела татарская мечеть, то Петр I пожертвовал баржу для постройки новой мечети.

В 1802 г. было уже 117 дворов. Татары владели пастбищами и сенокосами.[1]

В 1809 г. вместе с организацией Ново-Черкасска и выселением туда казаков, была выселена в район Новочеркасска и татарская станица под именем „Татарской слободки", ныне хутор Татарский (на правом берегу Тузлова) верстах в 3—4 от Новочеркасска.

В 1822 г. здесь насчитывалось 130 татарских дворов.

Кроме этого поселения, было и еще татарское село на левой стороне балки Дарьи, впадающей с левой же стороны в р. Маныч.[2] Дарьинские татары известны уже с 1783 г.; они причислены в казаки в 1811 г.

Всего в 1822 г. вместе с дарьинскими было 936 донских татар.

В 1859 г. дарьинцы уже упоминаются на реке Крепкой, а с 1860—61 г. начинается их отлив в Турцию.

Русское правительство, когда уходили Малые нагайцы в Турцию, разрешило пойти и донским татарам. Ушло из них 480 чел.[3] Причиной ухода официально был указан „недостаток женщин для вступления в брак."[4]

В 1868 г. в Татарской слободке было уже всего только 35 дворов с 101 жителем.[5]

Около 30 хат (сильно повымерли в 1921 г.) насчитывается и теперь (1927 г.)

§ 38. Из сказанного для нас особенно интересно отметить, что по крайней мере в течение 150—200 лет татары вели совместную жизнь с казаками в Черкасске (Старочеркасске). Сильно татаризированные казаки, часто имевшие жен и работниц из татарок, естественно были очень близки к этим татарам: жили общими политическими интересами и общей хозяйственной жизью. Татаризация казаков происходила и по всей линии непосредственных соприкосновений казаков с нагайцами — от Цымлы (и даже выше) до Азовского моря. Казаки этой линии до сих пор хранят в своей лексике большое количество татарских слов (названия костюмов, особенно женских, украшений, посуды, утвари, пищи, оружия и т. д.), усвоили себе многие черты быта татар,[6] а частично даже и физический монгольский тип.

Мы можем сослаться на свои наблюдения, а также на ряд наблюдений и ранее сообщенных.

Авторы „Стат. опис. з. в. д. в 1822—32 г. г." отмечают: „В низовых станицах Дона многие женщины отличаются перед верховыми красивыми лицами, высказывающими слияние форм азиатских с европейскими."[7]

Сенюткин (1857 г.) писал, характеризуя низовцев: „Здесь русский элемент, положенный в основание казачества, весьма много поглощен малороссийским и азиатским. Большая часть их настоящие брюнеты с черными или карими глазами, с азиатскими оттенками в лицах, до

---

[1] Донск. стар. I. Черкасск и в. донск. в 1802 г. М. Калмыков. 1896 г.

[2] Дарья — тат. сл.: река.

[3] Сб. Обл. в. д. Ст. Ком. 8, 1908. Новочеркасск.
Также „Стат. оп." Номикосова и „Стат. оп." 1822 г.

[4] Ст. Сб. 8, 189.

[5] Памятная кн. о. в. д. 1868 г.

[6] А. Савельев. Сборн. д. песен. 1866 г.: „Татарские слова служат для обозначения по большей части предметов женской одежды, пищи или других вещей." 44.
Сюда относятся: сюзьма, каймак, чебак, кабак, саган, чинак, казан, арьян, гаман, сагайдак и мн. другие. См. наш „Донской диалектологический словарь" (готовится к печати).

[7] По изд. 1891 г., 108 стр.

крайности разнообразны... Здесь, наряду с прекрасными греческими профилями встречаются иногда чисто татарские и калмыцкие физиономии".[1]

Наличие физического татарского типа засвидетельствовано антропометрическими измерениями, произведенными еще в 70-х годах прошлого века Барминским.

По его классификации от Качалинской ст. до Новочеркасска живут казаки с преобладанием монгольского типа.[2]

Зеленин в своих „Великорусских говорах" следит вместе с чертами говора и постоянно сопутствующие им некоторые этнографические черты, главным образом, костюм населения, преимущественно женщин.

Донские казаки, особенно казачки, в отношении костюма резко делились на верховых и низовых. Вторые носили костюм сильно татаризированный. Впрочем донской костюм плохой показатель.

В старое время „делали платье кто, как мог, и как хотел, не наблюдая единообразия: один наряжался по-турецки, тот в платье старинного русского покроя, другой по-татарски, по-черкесски, по-персидски или по-калмыцки, даже на одном казаке бывала смесь одежды и оружия разных народов. Атаман Савва Кочет, привезший в 1705 г. в Москву с Дона астраханских возмутителей, приносил благодарность Петру от всего войска Донского: „Мы взысканы твоею милостью паче всех подданых, до нас не коснулся твой указ о платье и бородах. Мы носим платье по древнему своему обычаю, которое кому нравится: один одевается черкесом, другой калмыком, иной в русском платье старинного покроя и мы никакого нарекания или насмешек друг другу не делаем: немецкого же платья никто у нас не носит и охоты к нему вовсе не имеем." [3]

Сильнее был татаризирован женский казачий костюм:

„В старину казаки доставали себе жен большею частью из азиаток, почему и одежда казачек того времени, если не во всем сходна была с одеждою турчанок или татарок, то в главных частях от оной позаимствована. Главная часть женского платья, как тогда был, так и теперь есть кубелек, имеющий форму татарского кафтанчика... Под кубелеком была обыкновенно рубаха из тонкого полотна... Шаровары были из тонкой шелковой или бумажной материи... Головной убор девиц был следующий: челоуч и еще обыкновенный шелковый или бумажный платок, таркичем называемый... Вместо чулок носили ичитки, желтые, выстроченные узорчато серебром или золотом, вместо башмаков — сафьяновые туфли на высоких каблуках... Вне дома, в летнее время, носили они сверх кубелека каврак (имевший форму халата)...

В верховых округах женская одежда совершенно отлична от низовых, во многом сходственна с сельскою одеждою великороссиянок."[4]

Мало того, в Старо-Черкасске был в обычном употреблении и татарский язык, особенно среди женщин.

Любопытно свидетельство В. Д. Сухорукова еще от 1824 года: „Наши прабабушки любили говорить между собою по-татарски, что в то время было в большой моде... В лучших домах наших женщины имели для услуг пленных татарок и турчанок, кои назывались ясырками. Еще и ныне некоторые старушки называют горничных девушек ясырками."[5]

---

[1] Донцы, II, 122.

[2] Номикосов. „Стат. оп.", 281.

[3] „Стат. опис. з. в. д. в 1822 — 32 г." По изд. 1891 г., стр. 121.

[4] „Стат. опис. з. в. д. в 1822 — 32 г.", стр. 122, 123.

[5] „Русская старина" на 1825 г. изд. 1824 г. СПБ. Стр. 49, по изд. 1892 г. Новочеркасск.

Добавим и замечание Номикосова: „В песнях есть указания на пленных женщин, как на нянек казачьих детей и сторожей домашних животных". „Ст. оп. о. в. Д.," 12.

То же находим и у проф. В. В. Богачева, природного низового казака: „Еще лет сто назад казаки и казачки щеголяли татарским языком, как в России щеголяли французским. Модно было иметь в услужении татарку. Вот откуда появилось множество слов татарских в низовом говоре.“ [1]

Вот источник, откуда непосредственно вливались в казачью речь особенности татарского языка.

§ 39. После сказанного, нас не должно удивлять, что особенности донского низового говора особенно были распространены в женской среде. Мы видели в § 4, что почти все наблюдатели подчеркивают особую „моду“ в языке именно казачек:

I. Такое произношение „в большой моде у низовых женщин“ (Сенюткин, 1857 г.).

II. „Считается среди простых казачек признаком хорошего тона“ (Номикосов, 1881).

III. „Преимущественно среди женщин и среди детей дошкольного возраста (Соловьев, 1900).

IV. „Главным образом у баб“ (Халанский, 1903).

V. „Говор сохранился в настоящее время преимущественно среди женщин“ (Е. Савельев, 1908 г.).

VI. „Вообще этот говор был более распространен среди женщин, чем среди мужчин“ (Богачев, 1919).

Калмыков (1898 г.) называет смешение шипящих с свистящими по нижнему Дону „детским смешением“.

Сначала казачки говорили по-татарски, позднее стали говорить по-русски, но на татарский лад, т.-е. сюсюкая и наполняя речь шипящими звуками. У одной группы населения (плохо знавшей русский язык) это было невольным явлением, другие, возможно, и сознательно подражали этому произношению, отразившему в себе один из диалектов татарского языка, следы которого сейчас видны в языке донских татар.

Наблюдатели характеризуют этот, преимущественно женский, низовой казачий говор так:

1. „Скороговорливость и чрезвычайная мягкость говора“ (Сенюткин).
2. „Нелепый обычай сюсюкать“ (Номикосов).
3. „Шипящие звуки заменяются свистящими и обратно“ (Соловьев).
4. „Характерное смешение шипящих с свистящими, т.-е. сюсюканье“ (Е. Савельев).
5. „Особенная мягкость, шепелявенье и сюсюканье“ (Богачев).

Мы, на основании наблюдений на месте, характеризовали бы говор так:

1) Обилие шипящих (на месте свистящих) в языке Старочеркасской и Аксайской станиц с их хуторами и 2) обилие свистящих (*с* и *з*) на месте шипящих, плюс цокание (с мягким *ц* на месте *ч*) в ст. Елизаветовской и особенно у женщин хут. Государева.

§ 40. При ближайшем рассмотрении оказывается, что говор донских татар, влияние которых на донской язык вполне допустимо, отличается теми же чертами сюсюканья (*с* из *ц* при попытках говорить по-русски) и обилием шипящих. Мало того, в донском языке эти явления несомненно неорганического, незакономерного характера. Отсюда их спорадичность.

В языке же донских татар те же самые явления, но более последовательны, закономерны и постоянны.

---

[1] Очерки географии В. Войска Донского 1918 г. Ростов-Д., 261 стр.

Теоретически можно было бы допустить и воздействие русского языка на татарский в условиях выше описанного бытового сближения, но бóльшая закономерность и обоснованность тех же фактов в татарском языке говорит обратное: воздействию (в сторону смешения свистящих с шипящими) подвергся русский язык.

Можно-ли ждать смешения шипящих с свистящими на почве татарского влияния?

Безусловно. Татарский язык нам известен в двух диалектах: 1) казанском и 2) донском. Частично мы познакомились с особенностями татарского языка „греков" Приазовья и языка крымских татар.

1. У всех татар нет звука *ц*, отсюда сюсюкание, лишние *с* (из *ц*), в их попытках говорить по-русски.

2. О шепелявости (т.-е. обилии шипящих) у донских татар можно судить хотя бы по сравнительной табличке.

Говоры с наличием „ч"			Говор без „ч"	
Казанские татары [1]	Крымские татары [2]	Приазовские „греки" [3]	Донские татары [4]	Русское значение слов
маче	мышик	мыших	маше	кошка
чай	чай	чай	шай	чай
чирэм		хардыч	шерэм	поле, целина
чалбар	шальбар	шальвар	шалбар	штаны
чатыр		чалаш	шатыр шалаш	шатер шалаш
чан	чапчак	чапчах	шан	кадка, чан
чиляк		челек	шиляк	ведро
чабата			шебата	башмаки
чалма			шалма	чалма
чар			шар	точило
чакра			шакра	завод
чугонган			шоэнан	крещеный
	чаман			упрямый
Выводы: Последовательное „ч"	„ч" с колебанием в сторону „ш"	„ч" с колебанием в сторону „ш"	Последовательное „ш" (на месте казанского „ч"), звук *ш* здесь твердый.	

Некоторое неблагополучие с звуком *ч* отмечено и у казанских татар,[5] хотя в общем звук *ч* у них имеется.

---

[1] Татарско-русский словарь Н. Остроумова.

[2] Говор д. Хайты, близ Байдар. Из наших записей.

В русско-тат. словаре Османа Заатова (Симферополь, 1906 г.) имеются оба звука *ч—ш*, но есть и случаи чередования: чорба—шорба и под.

[3] Говор селений Кой (Ст. Комарь), Джемрек, Керменчуг, Б.-Енисоль — Мариупольского района. Жители называют себя греками (христиане), говорят же на татарском жаргоне. Из наших записей.

[4] Говор х. Татарского. Груш. стан. близ Новочеркасска. Из наших записей.

[5] В словаре Остроумова, вероятно, диалектические расхождения:

Чаршау—шаршау (занавеска), чиш—шиш (отвязать), чишямбя—шишамба (вторник), чытырда—шытырда (хрустеть), чишмя—шишмя (ручей), чырши—шыршы (елка), чяршамбе—шяршамбе (среда, 4-й день).

Интересно отметить и еще один определенный случай обилия шипящих у донских татар:

Казанские татары	Донские татары	Русское значение слов
екермэ (jекерме)	жерме	двадцать
егра (jегра)	жоэра	бежит
егр (jегр)	жоэр	беги
янгр (jангр)	жомгр	дождь

Если у донских татар полная замена *ч* звуком *щ* (твердым), то у других русских татар колебание *ч—ш*.

В упомянутой выше статье Шарафа, поступившей в наше распоряжение, к сожалению, уже по окончании этого очерка, мы находим интересное указание, что татарское (казанское) „*ч*“, в отличие от русского,—звук без какого-либо взрывного элемента. Отсюда его естественная близость к „*ш*“. „Татарское „*ч*“ и соответствующий звонкий к нему совершенно не имеют этого затвора и являются простыми придувными звуками... При русском „*ч*“ почти ясно слышится элемент „*т*“, тогда как в татарском *ч—ч*' этого элемента совершенно не слышно“ (83).

У казанских татар отмечено колебание и *ж—з*: зилян—жилян (халат), ожимь (из русского „озимь“), кажинет (из казинет).[1]

Добавим еще случаи:

1) *ч* (из *ц*): чиган (цыган), чиркяу (церковь);
2) колебание *ш—с*: шикяр (сахар);
3) замена нашего *щ* через *ш*: шот (счет), шотка (щетка);
4) колебание *с—ч*: баскыч—бачкыч (лестница).

Итак, татарский язык (особенно его диалект, отраженный говором донских татар) отличается обилием шипящих и сюсюканьем.[2]

§ 41. Мы склонны говорить не об отдельных случаях в донском обнизовом говоре мены *с* и *ш*, *з* и *ж*, *ш* и *ч*, *ч* и *ц* и т. д., а о факте общего смешения шипящих с свистящими под влиянием татарского языка.

В русском говоре развилось такое полное (по парам: *ш—с*, *ж—з* *ч—ш*, *ч—ц*, *ц—с*) смешение, так как не было основной естественной опорной и одновременно ориентировочной точки. Смешение началось, как чужое, незакономерное, а потому оно и приняло такой арациональный характер, широко распространенный по принципу аналогии. „Доведение до абсурда“ вновь усвоенной чужой черты, не связанной закономерностью—явление, широко известное в диалектах.[3]

Эту арациональность указанной черты могли укреплять и ворвавшиеся на Дон волны южно-великорусской речи с их *просю, косю*, вместо прежних *прошу, ношу*.[4]

---

[1] Примеры из татарско-русского словаря Остроумова.

[2] Там же.

[3] Зеленин говорит об „абсурдном“ широком явлении мягкого *к* и ссылается на устное сообщение акад. Шахматова об аналогичном „абсурдном“ аканьи. 321. Проф. Н. Н. Дурново также говорит об аналогичных явлениях, в частности о широком „полном“ аканьи у групп населения, недавно усвоивших эту черту.

„Диалект. разыскания“ т. I, 9 и далее.

[4] Мы склонны думать, что первые массовые волны русских в донском казачестве были северного, б. м. новогородского происхождения. Ю.-вел. волны, более могучие количественно, подчинившие себе своих предшественников, были более поздним явлением, главным образом, во второй половине XVII в. См. нашу брошюру „Казачьи говоры“.

§ 42. Арациональность[1] шепелявости („пришепетывания и сюсюканья") у низовых казаков сказывается в том, что в их языке есть все русские шипящие и свистящие звуки, но употребляются они непоследовательно, часто один вместо другого.

Все же здесь особое положение занимает звук *ч*. Отсутствие этого звука в языке донских татар и замена его у них звуком *ш* сказалась в казачьих говорах бóльшим, так сказать, неблагополучием этого звука в казачьих говорах: *ч* не только бывает иногда на чужом месте (чельный месяц, ченьга—цынга, пятнича), но и меняет свое качество, сближаясь с *щ* (шч).[2] Это, в сущности, не *щ* из литературного произношения, а шепелявое произношение *ч*.

Теперь, после работы Шарафа (см. § 40), татарское происхождение этого шепелявого *ч* („щ" из „ч") для нас несомненно. Не случайно такое „ч" Зеленин отмечает в говорах с —*кя* (221).

В Донской области такое произношение охватывает все среднее течение Дона — от хуторов Пятиизбянской и Чернышевской станиц вниз до ст. Бесергеневской (хут. Кудинов). Более настойчиво эта черта выражена в районе Семикаракорской — Богоявленский — Цымлянской станиц.

Материал наших записей:

Бесергеневская ст., х. Кудинов: щай, шчайник (но обчество, чи). Собственно: шчай.
Раздорская ст., х. Керчик: щиво, щашка (но „чи").
Кочетовская ст., х. Плешаков: щулки (но „чи").
Семикаракор. ст. и ее хутора: нощь, дощь, щасы и т. д.
Богоявленская ст., х. Титов: дощь, нощь, щудо.
„ „ х. Задоно-Кагальницкий: типерища.
Цымлянская ст.: щулки, щуда, нощь и т. д.
Нагавская ст.: ощередь.
Н.-Чирская ст., х. Ильменский: кощка, тощка, пощта.
Чернышевская ст., х. Солонецкий: свитощки (цветочки).
„ „ х. Александрин: щасто.
„ „ х. Нестеркин: пещь, щаво, анщихрист.
Есауловская ст., х. Ольховый: дощь, нощь.
Пятиизбянская ст., х. Суховский: щугун, щашка, щулки.

Черта эта в одиночных случаях проскальзывает и в низовых станицах (где, б. м., под влиянием городской культуры ныне почти вымерла).

Щ (из *ч*) мы записали даже в языке детей (школьн. возраста) Ростова и Нахичевани: у них есть один из видов игры в айданчики: „на щика-бука"— при „чик" и „бук" (различные положения айданчика).

Интересно отметить, что эта черта лежит на Дону по линии максимальных соприкосновений с татарами (в XVI — XVII в.).

§ 43. Мы не видим необходимости те же явления (*ш—ж* из *с—з*, *щ* из *ч*), отмеченные вне Донской области, обязательно объяснять татарским влиянием, но многие из них легче и проще всего объяснимы именно им.

---

[1] Мы избегаем говорить об „иррациональных" звуковых явлениях, т. к. понятие „иррациональные звуки" со времен ак. Фортунатова имеет иное, строго определенное значение.

[2] Нами отмечены, правда, одиночные случаи замены *ч* через *ш* (без элемента взрыва): шигарда—чехарда (Клецк. ст.), хлеб стал шверстеть (Багаевск. ст.).

Один случай *с* вместо *ч*: серез (через) (х. Арженовск. Чернышевской ст.). Случай для нас не ясен.

Рассматривая говоры Курской губ., Зеленин замечает, что источников взаимной мены *с—ш* может быть четыре: малоруссы, волжские казаки, стрельцы и польские полоняники. „В Курской губ. легко могли быть все четыре одновременно".[1]

Из этих причин менее приемлемой для нас кажется первая — украинское влияние, хотя проф. Зеленин и еще на нем настаивает: „К тому же самому малорусскому источнику мы склонны относить"... встречается „в говоре обрусевших малоруссов"...[2]

Однако, это вряд ли так.

Случаи мены *с—ш* несомненны в украинском языке (шабас, шкло, шабелька, шабля, шкарлупа, шкелет, шнур, шпица и т. д.), но это лексические, а не фонетические случаи. Все приведенные (и ряд других) примеры — лексические заимствования из польского языка (szabas, szabelka, szabla, szkielet, sznur, szpica и т. д.).

Того же происхождения и несколько лексических случаев в белорусском языке (шабля, шаранча, шкло, шкарлупка и немногие другие). Как фонетическое явление, некоторая шепелявость у украинцев отмечена Броком: „Я и у интеллигенции (украинской) отметил артикуляцию мягких *с* и *з* поближе к великорусским *ш* и *ж*".[3]

Проф. Кульбакин по этому поводу замечает: „Повидимому, это наблюдение Брока нужно относить к галицийской „образованной" речи".[4]

Элементы польского шепелявения имеются в некоторых украинских говорах, но лишь в Галиции, а также словацкое влияние у украинцев за Карпатами:

„в некоторых сев.-малорусских говорах мягкие *з* и *с* перешли в *ж* и *ш* мягкие, повидимому, под влиянием польских и словацких говоров".[5]

„Шепелявое произношение *з* и *с* (переход их в мягкие *ж* и *ш*) отмечен у закарпатских украинцев. Это случаи — словацкого влияния".[6]

§ 44. Вряд ли возможно свести явления взаимной мены *с—ш* и к древне-русскому языку, в частности к языку Пскова (XIV—XV), где отмечена мена шипящих и свистящих.[7]

Сближение с псковским говором делает проф. Халанский.[8] Зеленин замечает: „связи с Псковом мы не видим".[9]

Возможная связь с Псковом нам также не ясна. Заметим одно, что эта псковская черта развилась (а затем и исчезла) лишь после нашествия татар (XIV—XV вв.).

В древне-русском языке случаи мены *с—ш* несколько раз отмечены Срезневским („Матер. к словарю др. р. языка"): шандал (1509, 1551 г.), шеврига (севрюга в памятн. 1585 г.), шкабат (1471 г.—Псков. пам.), шизый (сизый —„Слово о п. Игореве").

---

[1] Зеленин, 142—143.

[2] Там же, 141.

Появление *щ* на месте *ч* Зеленин склонен объяснить мещерским влиянием: „лучше всего мирится с обрусевшей мещерой или мерей", 202.

[3] Брок. Очерк физиол. слав. речи. „Энцикл. слав. филол." V—2, 56.

[4] „Украинский язык". Харьков. 1919 г., 16.

[5] Дурново. Очерк истории р. языка, 238.

[6] Там же, 242.

[7] Шахматов. Введение в историю русского языка, 60. Соболевский. Лекции, 36. А. Е. Пресняков. („Образов. великор. государства" Петр. 1918 г.) отмечает: „Псков (с конца XIII в.) почти вовсе ушел из-под влияния великорусской власти, входя все глубже в круг обособленных от великорусской жизни западно-русских, литовских и немецких отношений", 93.

[8] Говоры Курской губ. 47.

[9] Зеленин, 143.

Все эти случаи относятся также к послетатарской эпохе. „Слово о п. Игореве“ найдено, по заявлению Мусина-Пушкина, в рукописи, по крайней мере, конца XV в.[1]

§ 45. Мена *с—ш* у уральских казаков, нам кажется, того же происхождения, что и на Дону.

Это высказывает и Зеленин: „Можно думать, что из донских казаков на Урал перешли не столько верховцы, сколько низовцы.

У уральских казачек, в полное сходство с донскими низовыми, также встречается *ж* вм. *з* и *ш* вм. *с*, равно как и цоканье.

Но эти особенности можно относить также и на счет волжских казаков: они известны также в Самаре.[2]

Подобно, как на Дону, и здесь отмечена жеманность и наличие черты именно у женщин:

„Кроме странных сарафанов (см. § 18), у уралок есть и еще одна особенность: они всегда говорят, жеманно пришепетывая. Не думайте, что это какой-нибудь врожденный порок. Это просто здешняя fashion, вошедшая в обычай и переходящая от матери к дочери вместе с бабушкиным сарафаном...[3]

§ 46. Явления *ш* из *с* встречаются в тех же местах, где есть *с* (из *ц*), *щ* (из *ч*), и *кя* (и др.): Малоархангельский у. Орлов. губ. (Зеленин, 204—205), Ливенский у. Орл. губ. (Зеленин, 200—201), у саянов Курской губ. (Зеленин, 143—145).

Ш (из *с*) очень часто сопутствует *с* (из *ц*): Орлов. у. (Зеленин, 212—213), Ливен. у., Малоарх. у., курские саяны.

Также и *щ* (из *ч*) обычно сопутствует черте *с* (из *ц*): Нижегор. у.,[4] Орлов. губ., Курск. губ.[5]

Это дало повод Зеленину дважды подчеркнуть: „Рядом с соканьем, хотя гораздо реже его, встречается также *щ* из *ч*“.[6]

„Впрочем, на сев.-вост. Европы соканью обычно сопутствует и особое произношение звука *ч* вроде мягкого *ш*“.[7]

Подобно тому, как —*кя* (и др.), не считаясь с границами северных и южных говоров, режет их с юга на северо-восток, также и рассматриваемое явление в той же полосе уходит с юга на северо-восток. *Щ* из *ч* отмечено в Макар. у., Костр. губ.[8] в Ветлуж. уезде, Костр. губ. (*с* вм. *ц* и мягкое *ш* вместо *ч*: на пеши, трясушшяя).[9]

В Екатеринб. уезда, Перм. губ. одновременно: *с* (из *ц*) и мягкое *ш* вм. *ч*.[10]

Юго-вост. часть Вятск. губ. при *с* (из *ц*). Здесь же вместо *ч* звук средний между *с* и *ш* (т.-е. мягкое *ш*): пешка—печка.[11]

Татарское влияние на подобные случаи произношения *ч* нами выяснено выше (§§ 40 и 42). После упомянутой экспериментальной работы татароведа Шарофа в этом не остается никаких сомнений.

---

[1] Н. М. Каринский на основании этого смешения *с—ш* склонен считать „Слово о п. Игорове“ псковским памятником („Очерки по ист. пск. письм. и яз. II). Против этого возражения сделаны Р. И. Якобсоном, акад. В. Н. Перетцом и В. Виноградовым. Виноградов, подчеркивая „сомнительность“ примеров смешения *с—ш*, считает памятник новгородским. (И. О. Р. Я. С. XXIV, I, 217).

[2] Зеленин, 356. Также—Соболевский, Опыт рус. диалектологии, 103.

[3] Михайлов. Морск. сборник. XLIII. 1859, № 9, 13. Цитата у Зеленина.

[4] Матер. „Сб. О.Р.Я.С. Ак. Наук LCIX—3; 72.

[5] Указано выше.

[6] Зеленин, 218.

[7] Там же, 220.

[8] Р. Ф. В. 1905, № 3. Соболевский.

[9] Р. Ф. В. 1905, № 3 Соболевский.

[10] Там же.

[11] Зеленин. „Живая старина“ 1901, № 1.

§ 47. Отмечая сюсюканье и обилие шипящих у донских и уральских казачек, наблюдатели подчеркивают „моду", „подражание", „хороший тон" и т. д., вообще отмечают сознательное усвоение указанных черт. Отметив *ш—с* у крестьян слобод под Белгородом Курск. губ., Зеленин говорит: „Слобода „волских атаманов" говорит о существовании здесь волжских казаков, а в говоре этих последних, точно также, как и в говоре уралок, вероятно было жеманное женское произношение шипящих вместо свистящих. Оно сохранилось доселе в Самаре...

... У них такое произношение, вероятно, было сознательным и модным (как и у уральских казачек). Не исключена возможность, что та же жеманная шепелявость и по тем же основаниям была и в говоре московских стрельцов, точнее их жен. Следы такого произношения можно видеть в Московской Гуслице"...[1]

Возможно, что нашу теорию о татарском происхождении „жеманства" и „моды" пришепетывания у донских казачек придется со временем значительно расширить, включив под это влияние и многие южные и северо-восточные русские говоры.[2]

Ц (из с и ч).

§ 48. На Дону должно различать два явления цоканья: 1) *ц* (из *с*) и 2) *ц* (из *ч*).

Первое явление мы рассматривали, как результат смешения „ц" и „с" в силу отсутствия *ц* в татар. языке и широкого распространения соканья („с" на месте „ц").

Обратная соканью тенденция („русская") дала излишнее *ц*: цемецки (семечки), цаган (саган) и т. д.

Случаи ц (из с).[3]

Царай — во многих местах 2-го Дон., У.-Медвед., Хоп. и быв. В.-Донецк. округов. Возможно происхождение аналогичное к русскому царь из татарского сарь. Царай отмечено и во многих местах вне Дона: Тамб. губ. (Р. Ф. В. 1911, 66, 214), Ворон. губ. и у. с. Рождественская Хава (отмечено нами), Терск. округ (Караулов) и др.

Авца — овса. „У маво отца полны закромы овца". Мигул. ст.

Цемечки — Нагавская станица.

Цаган (саган) — там же.

---

[1] Зеленин, 142.

[2] Явление мены *ш — с*, известное в Сибири (А. М. Селищев—„Диалектологический Очерк Сибири" и А. В. Пруссак И. О. Р. Я. С. XXVI, 304 стр. и далее), нам думается, след той же казачьей колонизации. Как образчик такого говора Киренского уезда А. В. Пруссак дает песню явно казачьего происхождения: „Жя юбанню рякёй, там казак гуляёть, не адин гуляёть — с милой Шяшенькой, острой шябелькой. Ишьшо вострай-то шяблей агонь вышякят, травы нарыват, свои раноцки розвязывать.— Уш вы, раны мои чезяльшь чезялы, ко шерцю подосли"... и т. д.

На Дону (в местности, где уже нет мены *с — ш*) записано: „Как за речушкою за Кубанушкою там ходил да гулял добрый молодец, млад донской казак. Он ходил гулял, все коня спасал, сам огонь крысал шашкой вострою, разводил, раздувал полынь травушкой. Он грел, согревал ключеву воду, обливал, обмывал раны смертные.— Уж вы, раны мои, раны кровью изошли. Тяжелым тяжело к ретиву сердцу пришли"... и т. д. А. Савельев „Сборник донских песен". 1866 г. А. Пивоваров добавляет, что записано в г. Новочеркасске. („Дон. каз. песни" I, 134).

[3] Из наших записей.

Сцать, сцёть — сосать, сосет — Скуришенская, Екатерининская ст.
Атцель — Цымлянская, Есауловская, В.-Чирская, Иловлинская ст.
Подцак и поцак (подсак) — Маныческая ст.
Пятьцот — там же. Также у Листопадова в „Песнях донских казаков“ — I, 79, 95.
Поцель — х. Варламов, Обливской ст.

Случаи ц (из ч):

Сообщения о низовом казачьем говоре:
Богачов: скуцно.
Калмыков: цяс, цийку, игрусецки.
Соловьев: весць.
Е. Савельев: свецецки, угодницку, соколоцка.
Халанский: с оселѐццикoм (с оселедчиком — с селедкой).
Харузин: цайкю.

Наши записи:

Багаевская ст.: цавоза (также х. Федулов Багаевской ст.).
Хут. Белянин, Багаев. ст.: цистый, цаво.
Елизавет. ст.: сцуцья протока (щучья).
Хут. Государев Елизавет. ст.: цурка, цево, нонце, вопце, ноцуют, ноцью, пойду на сцуцью, кофеёцку, хоц, цто-за, церба, прицандалия, вовоць (овощ).
„Маныцкая“ ст. — Маныческая ст.
Грушевская ст.: овосць.
Ст.-Черкасская: хоц, кофеёцик, свецецки.
Хут. Б. Мечетн. Семикар. ст.: ета твая цястья (счастье).
Нагавская ст.: цавоза.
В.-Курмоярская ст.: цаво-за, цулоцки, цтожа.
В районе севера Донской обл. принц (прынч — рис турецк.): Усть-Бузулуцкая ст. Также и в С.-Григорьевской ст.

Двое из наблюдателей (Филонов — 1856 г. и Калмыков — 1898 г.) отмечает *ц'* в таких случаях. Работа первого (рукопись в библ. Акад. Наук) не была известна второму. Соловьев дает случай: весць (мягкий знак здесь или признак *ц'* или влияние грамматики — жен. род. — ?). Мы наблюдали *ц'* перед *е* и *и* (ц'ерба, ц'истый) и определенно твердое *ц* в случаях: цурка, цаво, Маныцкая.

§ 49. Явление *ц* (из *с*, *ч*) опять, так сказать, неорганического порядка. Закономерности нет. Обычно „ц“ на ряду с „ч“. С таким „незаконным“ *ц* только отдельные слова. Места, где можно было бы говорить о полном цоканьи, нет вовсе. Даже в хут. Государеве, усиленно цокающем (с мягким *ц*), это цоканье незакономерно сочетается с соканьем. Явления цоканья встречаются в самых разнообразных положениях в отношении к ударению в слове, не зависят они и от качества соседнего звука. Мы зарегистрировали случаи цоканья.

Ante: *ă, á, 'á,* (цяс), *ó, ў, ý, ŭ, ú, ĕ, è, к', к, j, т, н.*
Post: *а, 'о, ó, 'о, ы, и, è, ĕ, н, п.*

§ 50. Вероятного источника этого явления мы не установили. Возможны четыре предположения:

1) Сохранилась сев.-велик. черта.[1]

Во многих ю.-вел. говор. северного происхождения при аканьи хранится *ц* из *ч*.

---

[1] Сев. влияние на Дону определенно было. См. наши „Казачьи говоры“.

Если даже согласиться с ак. Шахматовым, что цоканье легко (легче других черт с.-в. говоров) вымирает, то здесь оно могло задержаться, благодаря благоприятным местным условиям (влияние калмыцкого языка и попытки освободиться от излишних татаризмов, в том числе от обильного „с").

2) Психологическая борьба с излишними татаризмами. Если таковая борьба здесь была, то на почве ее возможно и излишнее внимание к „ц".

Ц естественно явилось в целом ряде случаев с „с" (осознанными, как татаризмы): царай, цемечки, сцать (ссать из сосать), цаган и т. д.

3) Результат общего арационального смешения шипящих с свистящими.

4) Калмыцкое влияние. Элементы цоканья особенно сильны в районах максимального соприкосновения казаков (в былое время) с калмыками: 1) низовье Дона — от Ростова к морю и 2) район В.-Курм. станицы (Астрах. калмыки).

Как известно, в калмыцком алфавите существует одна буква для „ч" и „ц". *Ч* слышится только „перед гласной „и" и в тех случаях, где „о" или „у" превращается (чередуется) в „и".[1]

Однако это не так (в наши дни). У калмыков или два говора:[2] чокающий и цокающий или же значительное сближение этих звуков и временная мена их. Ряд слов, зарегистрированных Поповым (1847 г.) с звуком *ц*, по нашим опросам калмыков из Элисты звучит с „ч" и обратно: цечжди — чечжи (грудь), цабчи—чабчи (руби), цобчур — чабчур (топор, кирка), куцун — кучин (сила).

Любопытно, что слово чусун (кровь), отмечаемое Поповым, как явление закономерного „ч" перед „у" из „и", нами записано дважды и только с определенным „ц".

Мы произвели наблюдения и над языком калмыков в их попытках говорить по-русски. В некоторых случаях мы не наблюдали мены *ц — ч*, в других же отмечено определенное цоканье. Две семьи калмыков со среднего Сала, проживающие на бойнях в степи за г. Нахичеванью, цокают: ца — (чай),[3] цайник, цорт. вопце, в настоящее время. То же нам сообщил и Михаил Тулаевич Тулаев (калмык из Элисты): цай, цайник, цорт, Маныцкая,[4] цемецки (семечки).

§ 51. Является вопрос, допустимо ли исторически калмыцкое влияние и если да, то в каких пунктах особенно?

Вполне допустимо. Калмыки на Дону появляются с 1642.[5]

В 1648 г. калмыки заключают оборонительный и наступательный союз с казаками против Крыма. Союз этот возобновляется в 1661 г. В 1680 г. калмыки встречаются в казачьих войсках. В 1686 г. 200 кибиток перешло на Дон.

В 1675 г. „приказал царь Алексей Михайлович своему войску и казакам, также и великому числу калмыков, около Азова набег делать"[6].

---

[1] Попов А. „Грамматика калмыцкого языка, сочиненная Александром Поповым" (Проф. Каз. Унив.) 1847 г.

[2] Возможно, что наши наблюдения и Попова расходятся территориально. Возможно, что и у Попова могло быть смешение говоров. В предисловии (в посвящении) он говорит: „Я предпринял путешествие в калмыцкие степи Саратовской и Астраханской губ. и Кавказской области". Территория очень широкая и не удивительно, если в грамматике Попова отразились одновременно разные говоры калмыцкого языка.

[3] В грамматике Попова также чай — ца.

[4] „Маныцкая" станица и у казаков.

[5] Каких-либо данных о цоканьи на Дону в исторических памятниках XVII в. мы не нашли. Вероятно это позднее явление.

[6] Ригельман. „Ведомость и географ. описание крепости св. Дмитрия Ростовского в1768 г." По издан. 1918 г. Ростов. 43.

Через сто лет после этого встречаем уже полу-оседлых калмыков в низовьях Дона (там, где сейчас казаки усиленно цокают — х. Государев Елизав. ст.). При организации Ростово-Донской крепости и после, по сообщению Ригельмана, жили там и калмыки. Из них был образован особый чугуевский полк: „редовых калмыков 100, при них отставных и родственников их 49. Имели они здесь и своего мурзу".[1]

Кроме того: „Ко оному месту (к Ростову) принадлежит, для определенных к азовскому конному полку казацкому, качующих калмык и к их обиталищу и скотоводству степное место, состоящее от крепости дачи: то есть от речки Мокрого Чалтыря, между Азовским морем и рек Тузлова и Миуса, даже до Таганрогской линии, где еще и до построения оной крепости они обыкновенно находились".[2]

Это свидетельство относится к 1768 г., однако в Донском Приазовье калмыки бродили уже давно: „На взморье, ниже Азова, прошло калмыков сот с пять" — сообщали казаки в Москву еще в 1656 г.[3] Отсутствие цоканья в донских памятниках XVII — XVIII в.в. (мы не нашли такового) лишь подтверждает нашу мысль о калмыцком влиянии. Массовое соприкосновение с калмыками (вне войны и временных набегов) начинается с 1775 г. После этого года борьба прекращается вовсе. Калмыки замирены. Началось мирное сожительство и частичное смешение калмыков с казаками.

Если в наши дни калмыков на Дону мало (одиночные семьи), то один из распространенных типов низового казака хранит следы их влияния.

Еще недавно калмыков на Дону (нижнее течение) было сравнительно много. В 1873 г., по свидетельству А. Крылова „сплошь и рядом с (казачьим) поселком и слободою стоят несколько кибиток".[4]

По статистике 1871 г. калмыков, например, в Манычской станице было 10 кибиток (33 чел.), столько же в С.-Черкасской (30 чел.) и т. д.[5]

Кроме низовьев Дона, явление цокания отмечено нами и в районе Цымла — В.-Курм. ст. и даже несколько выше. Это как раз опять пункт наибольших соприкосновений казачества с калмыками.

Не случайно житель и историк В.-Курмоярской станицы Евлампий Кательников в начале XIX века в число иноплеменников, вошедших в казачество, на первом месте ставит калмыков. „Весь вообще Донской казачий род есть российский природный; даже вшедшие в него некоторые калмыцкие, татарские, греческие и турецкие племена через смешение изменились на русский лад".[6]

По данным всероссийской переписи 1897 года[7] оседлых калмыков в Донской области было:

Усть-Медведицкий	округ . .	219 человек
II Донской	„ . . .	1981 „
I „	„ . .	1055 „
Черкасский	„ . . .	269 „
	Всего .	3524 человек.

[1] Там же, 11.

[2] Ригельман. „Ведомость и географ. описание крепости св. Дм. Ростовского — в 1768 г." 22 стр. По издан. 1918 г. Ростов.

[3] Донские дела, V, 14.

[4] А. Крылов. Умственное и нравственное развитие донских калмыков. Новочеркасск, 1873, 17.

[5] Труды о. в. д. ст. омит. II, ч. II, 113, 114.

[6] Е. Кательников. „Историческое сведение о В.-урмоярской станице 1818 г." По изданию 1886 г. Новочеркасск, стр. 5.

[7] Список населенных мест о. в. д. по первой переписи 1897 г. ч. I, Новочеркасск, 1905 год.

Более компактные массы их распределялись по станицам (с их хуторами) вниз по Дону:

Иловлинская ст.	0	В.-урмоярская ст	379
Гачалинская ст. . . .	0	Нагавская ст.	109
олубинская ст.	35	Терновская ст.	42
Пятиизбянская ст. . . .	114	Филипповская ст	17
Нижне-Чирская ст. . . .	237	Баклановская ст. . .	108
Чернышевская ст. . . .	293	Цымлянская ст	38
Суворинская ст.	136	Богоявленская ст. . . .	19
Есауловская ст	155	Бесергеневская ст. . . .	17
Потемкинская ст.	127		

Мелкие группы и в др. местах.

В Багаевской станице теперь нет калмыков, а народный язык их хорошо помнит. Здесь нами записаны выражения: садись по-калмыцки (прямо на землю), ты што, калмык?! (вошел в шапке, сел не молясь), что ты калмыцкого шулюну (жидкого супу) наварила, что у вас за калмычина (дым, грязь в курене и пр.), калмычиной воняет, по калмыцки не умывши идёть и йисть, сделали гарнò калмыцкое (печку под открытым небом); малых детей пугают: калмык идет, калмык возьмёть, калмыку в бурдюг (кож. мешок), вон калмык бурдюг несёть и т. д.

О частичном смешении калмыков с донскими казаками говорит и проф. Богачев:

„Калмыки, пришедшие на Дон в XVII ст. и отчасти смешавшиеся с казаками“.[1]

На Дону очень распространена фамилия Калмыковых, есть Калмыковы хутора (У.-Хоперск. ст. (два хутора), Клетск., Мигул., Зотов., Елизав. ст.), хутор Калмык (Тепикин. ст.), река Калмык (Хопер. окр.), балки, буераки и урочища Калмыцкие (Мигул., Остр., Кагальн., Елизав. ст.), балка Калмычки (Черныш. ст.), лиман Калмыков (У.-Хопер. ст.), урочище Калмыцкий угол (Павлов. ст.) и др. Некоторое влияние калмыков сказалось и на быте казаков: калмыцкий очаг под открытым небом; калмыцкие блюда: уре, дулма, шулюк, борзики (из бòрцок), детские игры в айданчики нескольких типов и т. д.

Необходимо дальнейшее изучение калмыцких диалектов в их отношениях к языку русскому.

§ 52. Выводы из всей нашей статьи указаны уже в § 1. Здесь мы хотели бы и еще обобщить их: причины, так называемых, неорганических явлений в языке—чаще всего влияние соседних языков. Таким соседним языком для русской речи был долгие годы и язык татарский, к сожалению, почти совершенно оставшийся вне поля зрения наших исследователей.

На очереди перед нами стоит изучение татарской (исторической) диалектологии, где, мы не сомневаемся, ключи ко многим фактам нашего языка.

P. S. Один из донских историков, ознакомившись с корректурой нашей статьи задал нам вопрос.

— Почему в Казанской, Ульяновской и Пензенской губ., где так много татарских селений, нет такого большого влияния их на русские говоры, как в южно-великорусских губ. и на Дону?

— В перечисленных губерниях русские крестьяне (главн. образ. б. крепостные) результат более поздней колонизации (преимущественно XVIII в.) и массового слияния их с татарами (как в воинских казачьих поселках) здесь не происходило.

Те и другие и до наших дней живут здесь обособленно, сохраняя свои национальные особенности и свой национальный язык.

А. М.

---

[1] Очерки географии, 283.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Акад. наук СССР